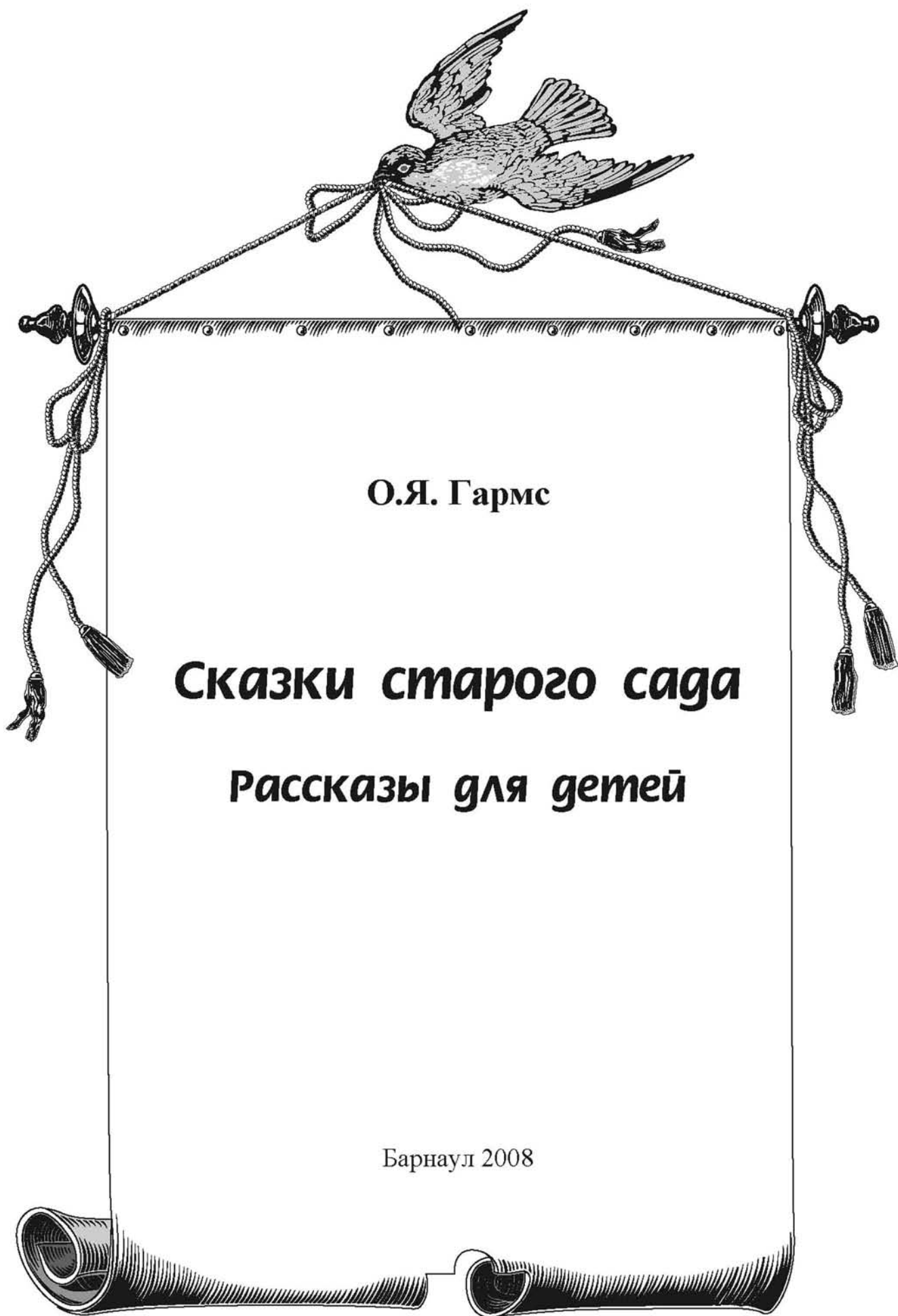

О.Я. Гармс

Сказки старого сага

О.Я. Гармс

Сказки старого сага

Рассказы для детей

Барнаул 2008

ББК 84(2 Рос-Рус) 6-4
Г – 206

**Книга издана при финансовой поддержке
Администрации Алтайского края
в рамках краевой целевой программы
«Культура Алтайского края» на 2007–2010 годы**

Гармс О.Я. Сказки старого сада: рассказы для детей / О.Я. Гармс / Барнаул, 2008. 59 с.

Эта книга – совместный труд известного на Алтае эколога Олега Яковлевича Гармса и художницы Татьяны Зяблицевой. Она является увлекательным путешествием в мир растений, птиц, земноводных, животных и насекомых, где царит особая атмосфера, кипит жизнь и случаются свои радости и трагедии. Книга адресована детской аудитории и всем, кто интересуется природой Алтая.

© Гармс О.Я., 2008

© оформление, Зяблицева Т.В., 2008

© ГУК «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В.Я. Шишкова», 2008

СОВА И ЯЩЕРИЦЫ

Все знают, что люди по утрам умываются, чистят зубы, некоторые даже льют на себя холодную воду, в общем, доставляют себе массу полезных и, как считают некоторые взрослые, необходимых хлопот. В это же самое время, думают многие, а на самом деле намного раньше людей, когда те еще и не просыпались, птицы первый раз чистят свое оперение. Так же как некоторые люди в течение дня не раз моют руки, птицы, причем, все в отличие от людей неоднократно чистят перья своими умелыми клювами. Умываются все животные от мала до велика, от самой малой мышки до большого медведя, и каждый по-своему. Вот и у ящериц принято по утрам обливаться. Только не водой, как у людей, а солнечным светом, подставляя себя его первым добрым лучам. А если утро пасмурное, то приходится обходиться только протираанием глаз лапками и терпеливо дожидаться, когда же оно выглянет. Может быть, завтра повезет и удастся облиться солнцем.

Однажды таким добрым утром сова светлого песочно-бежевого цвета, очевидно, та же самая, которую несколько дней назад гоняли сороки в овраге у пруда, обследовала в поисковом полете склон большого лога и улицу у его подножия, а также ближайшие к ним сады. Не забыла заглянуть и в наш. Причем с такой явной тщательностью и целеустремленностью она низко облетала луговые склоны, как бы вышаривая что-то между кустами и успевая при этом мимоходом сунуть свой клюв под каждый из них, исследуя, кажется, все рытвины на дороге, уделяя особое внимание укромным крапивным обочинам, которые к тому же оторочены по одному краю улицы разномастными заборами. Заборы сова изучала особенно пристально, заглядывая за каждый из них, как любопытная Варвара, то и дело совершая волнообразные подлёты для их преодоления, а затем стелющимся планированием петля на другой стороне во всевозможных закоулках хозяйственных построек и изгородей. И всё это проделывалось с такой бесшумной легкостью, совершенно элегантно, что невозможно было оторвать глаз от красивой и завораживающей своей динамичностью птицы.

Наверное, сова выискивает мышей для своих пушистых птенцов, а заодно и себе на завтрак – первое, что пришло в голову. Но, присмотревшись к полету, я понял, что дело не в мышах или не только в мышах, которых вообще лучше караулить, не сходя с места, на шорох, писк, словом, на мышиную возню, делая время от времени броски из засады на слух. Здесь же сова охотилась ясным утром, уделяя особое внимание солнечным местам, куда как раз в это время выползают на прогревание многочисленные в окрестностях логов и оврагов ящерицы. Необходимый утренний моцион у них по расписанию именно сейчас. После прохладной влажной майской ночи им жизненно

необходимо быстро прогреться и, снова преобразившись в упругих, насыщенных энергией, ловких дракончиков, приступить к великим обязанностям семейно-брачных отношений. Но на беду сова знает распорядок дня ящериц не хуже их самих и приурочивает к нему в целях разнообразия меню свои поисково-охотничьи полеты.

Вот чешуйчато-изумрудный самец ящерицы осторожно вытягивает своё полуоцепеневшее тело навстречу ласковым лучам. То и дело замирая так, что при этом, кажутся живыми только его выразительные круглые глаза, которыми, иногда мигая как человек, он внимательно оценивает обстановку вокруг, помогая чуть заметными, как у секундной стрелки, движениями головы. Наконец, маленький зеленый динозаврик появляется весь на сухой ветоши прошлогодних трав и стеблей крапивы. Он великолепен. Немного живительного солнечного тепла, и он станет подвижным и неуловимым как ртуть. Его подруге проще. Она стройная, уступает самцу в размерах, является совершенным воплощением грации, к тому же имеет совсем другой узорный бежево-коричневый оттенок. Она не выделяется своей внешностью среди сухих весной и выгоревших летом трав. Словом, когда эта миниатюра замирает в неподвижности, она растворяется из поля зрения как рыба в воде. Пользуясь этим, коричневая ящерка возлежит в лучах утреннего солнышка на крапивной ветоши у обочины дороги как королева на троне. Но от внимания своего зеленого ящера еще чуть-чуть сонного, однако уже настроенного весьма решительно доказать свои серьезные намерения, она, конечно, не ускользнула. Ему приходится решать сложнейшую задачу – уцелеть от возможных нападений совы и прочих любителей ящериц вроде разбойных сорок, ворон, бродячих злыдней кошек и их откормленных сородичей, для которых охота на ящериц – спорт, таких же, только разгильдяистых, собак и их невоспитанных людей, которым почему-то каждую попавшуюся под ноги ящерицу надо подержать в руках. И при всем этом жизненно необходимо ещё произвести впечатление на лучшую ящерицу в мире, что греется на солнышке неподалеку. Желательно, чтобы это впечатление осталось поистине неизгладимым в её сердце, а для этого нужно совершить безумие в этом мире – стать заметным. Быть заметным только для неё и невидимкой для всех остальных... Как этого достичь? Могу сказать только одно: любовь изумрудного дракончика к своей незатейливо-прекрасной коричневой подруге – подвиг. Если им повезет, то уже через несколько минут солнечных ванн они скроются в своем уютном тенистом царстве под пологом плотной спрессованной еще зимними выюгами и сугробами снега травяной подушкой, где их ждут счастливые майские хлопоты.

ЯЩЕРИЦЫ НА ВОДОПОЕ

*Там шумные дороги,
там всякий сброд в заботах и тревоге.
А здесь покой. И ящерка снует
проворно, безмятежно взад-вперед.*

Г. Ибсен

Сорока, нацеленная на ту же добычу, что и сова, – маленьких ящериц, применяет в своей охоте за ними совершенно другую тактику. Она не рыщет в поиске, утруждая свои крылья, а спокойно выжидает, затаившись поблизости от поливного крана, который отведен от магистральной трубы по другую сторону забора, с большими прорехами между штакетинами. Здесь всегда сырая почва, заросли трав вдоль забора, место очень укромное: с одной стороны – большой куст сирени, с другой – жимолости, рядом все это своей тенью накрывает старый рыжий от ржавчины гараж. Словом, идеальное место для водопоя ящериц, которые к тому же и живут поблизости на припеке обочины дороги по другую сторону деревянного забора.

Эта небольшая полоска в полтора метра шириной между наезженной садовой улицей и старым забором сада – ящеричный рай. Весной он плотно укрыт сверху сплетениями ветоши из сухих стеблей двудомной крапивы, а с началом лета буйно поднимающаяся молодая поросль крапивы делает эту полоску земли непроходимой для посторонних людей и собак, а также непролётной для совы, пустельги и сороки жгучей крепостью.

Но всё же ящерицы выходят иногда за пределы своего микрозаповедника. У этих маленьких животных есть по весне одна особенность. Кроме прогревания на солнышке они любят ходить на водопой. Это звучит необычно, но тем не менее в мае они постоянно нуждаются в воде. Много раз приходилось наблюдать, как шустрые зеленые самцы и скрытные изящно-коричневые их подруги слизывают своим язычком влагу с мокрой почвы под краном, с травинки и даже со стоящего рядом запотевшего ведра, в которое набирается вода.

Однажды я видел, как маленький дракончик-дама слизывал капельки воды, свисавшие с подтекающего крана. При этом, чтобы дотянуться до вожделенной искорки влаги, сверкавшей в единственном лучике, пробившемся сквозь листву, она так изящно приподнималась на задних лапках, придерживаясь одной передней за низко склонившуюся веточку сирени, что я не мог оторвать от неё глаз. Если неподвижно затаиться даже в полуметре

от этого оазиса вокруг поливного крана, можно, если повезёт, наблюдать изумительную по своему волшебству и своей грациозности картину – ящерицы на водопое.

Вот тут и подвергаются маленькие симпатичные дракончики разбойному нападению из-за угла со стороны сороки. Для этого хитроумная птица сначала осматривает водопой издали – с высоты ближайшего телеграфного столба. Заметив какое-либо движение, сорока бесшумно слетает с него и присаживается поближе, но уже так, чтобы самой замаскироваться, прикинувшись старой тряпкой на заборе в сплетениях ветвей сирени со штaketником. При этом ей помогает камуфляжно-расчленяющая окраска оперения, чёрно-белая, отдалённо напоминающая зебру. Иной раз сорока затаивается за кустом жимолости или прикидывается гаражом, неподвижно сидя на его выступе, прикрытом ветками всё той же сирени. Когда очередной мученик жажды, ничего не подозревая о боевике в камуфляже за гаражом, выходит на открытый влажный пяточок перед краном, следует бросок чёрно-белой молнии... Иногда такая охота бывает добычливой, и потраченное сорокой время не пропадает даром. Часто обескураженная неудачей птица комично еще некоторое время смотрит вслед ловкой «змейке», исчезнувшей в траве, как бы не веря своим глазам. Наконец, осознав горечь неудачи, она с громким стрекотанием, в котором слышится явное разочарование, удаляется восвояси.

ВАРАКУШКА

**Мне хотелось услышать,
Как весна к нам стучится
Тихим звоном капли,
Звонкой песнею птицы.**

**Денис Колупаев
15 лет,
Курынский район**

Маленькая сырая полянка у крана с прилегающими к ней кустами жимолости и запущенной смородиново-вишнёвой порослевой урёмой чуть поодаль является тайной вотчиной радужногрудого самца варакушки. Неустанными ариями он приглашает сюда свою скромную подругу потому, что от неё у него секретов нет. Собственно сокровенным является именно этот кусочек Вселенной с изумительными, на варакушкин взгляд, кустарниково-крапивными джунглями и сырыми прогалинами между ними, где так удобно пробежаться, разминая лапки после сидения на гнезде.

Вот это гнездо или пока ещё только проект его, созревший в голове самца варакушки, и является тайной за семью печатями и одновременно центром всей его индивидуальной территории, которая простирается на несколько садов вокруг. Этот, утопающий в белых цветах вишни, залог семейного благополучия его радужногрудый владелец неустанно с утра до вечера столбит от посягательств других претендентов своего вида и в то же время рекламирует для избранницы как единственный рай на земле. И в этом с ним трудно не согласиться, стоит только чуть внимательней присмотреться глазами самой варакушки к этому белопенному от цветения вишни, благоухающему эдему, пронизанному сухими стрелами прошлогодних стеблей огромной крапивы, выбранному им для гнездования. Да, что говорить, если бы я был варакушкой, выбрал бы непременно только этот участок.

Сорока изо дня в день назойливо и очень пристально интересуется гнездовым участком варакушки и, очевидно, горихвостки, которая тоже гнездится неподалёку. Используя различную тактику, она то незаметно ведёт свои наблюдения с телеграфного столба, то прячется в тени старого сарая, то, демонстративно усевшись на кряжистую яблоню, внимательно изучает каждый кустик, каждое сплетение бурьяна внизу, над которыми так часто поёт варакушка. Сорока проделывает это втихомолку, подолгу и коварно

ведёт свои наблюдения, вытягивая шею и пристально то одним, то другим глазом изучая, кажется, каждую травинку, пытается засечь малейшее движение в кустах или траве, куда время от времени ныряет счастливый, но и осторожный певун. Попробуй, построй незаметно в таких условиях гнездо и выведи птенчиков. Соревнование в ловкости и мастерстве камуфляжа между маленькой птичкой и сорокой должно быть умножено на опыт, смекалку и мужество отважной varaкушки, чтобы выстоять в этой тяжёлой осаде и уберечь гнездо от хитрого мародёра. Вот почему, прервав свою арию о любви, чтобы навестить подругу, а, возможно, и подкормить её, радужный самец «ныряет» в густой бурьян совсем не в том месте, где располагается гнездо, а несколько поодаль. И уже затем предельно осторожно продвигается к нему по земле под защитой веток и трав.

Иногда самец varaкушки применяет и вовсе обескураживающий противника тактический приём. Прервав свою обычную песню, он вдруг мастерски имитирует голос пустельги. От неожиданности сорока моментально переключает всё внимание на небо, как на фронте при команде «Воздух!». Когда она через секунду-две приходит в себя от ошеломления ложной соколиной опасностью с неба, самец varaкушки уже давно где-то в дремучих джунглях кустов и трав навещает на гнезде свою избранницу.

Но после нескольких таких ложных тревог у сороки выработалось к ним привыкание. Она быстро сообразила, откуда исходит «угроза», и при очередной импровизации со стороны varaкушки, хотя и заметно нервничала, оглядываясь на всякий случай по сторонам, но глаз с varaкушки при этом не спускала.

Мои наблюдения за коварными происками сороки вскоре были ею замечены. Сначала даже с некоторым удивлением она обратила на меня своё внимание, но быстро уяснив мой неслучайный к ней интерес, уже с нескрываемой досадой умная птица возмущённо и резко по-сорочьи «крякнула» и удалилась в неторопливом порхающем полёте. Весь её вид говорил о каком-то вынужденном неудовольствии.

Varaкушка днём и по ночам поёт на разные голоса. Оказывается, её ночной репертуар больше смахивает на соловьиный. Но голосок у неё слабоват в сравнении с соловьём. Кроме того, varaкушка не выдерживает соловьиный ритм и беспорядочно чередует «самодеятельные» вставки из репертуара садовой камышевки и барсучка.

Днём varaкушка поёт большой синицей, причём, так задорно, что невольно забываешься, кто же солист. Звонкая синичья песня летит во все концы ранним утром от задравшего в небо хвостик певуна, поворачивающегося к тому же всем телом то в одну, то в другую сторону, забавно, как механическая игрушка. Вдруг «мартовский гимн» синицы пресекается тиликаньем

и посвистами перевозчика, которые переходят во что-то неопределённо смешанное с «наигрышем» из горихвостки, затем – из садовой славки и вставками из арии лесного конька; затем идёт собственное ворчливое «вараксинье» себе под нос, но с самозабвением. Почти без передышки всё повторяется сначала, но правильной последовательности предыдущего попури ожидать не приходится, следует очередная милая варакушкина импровизация, более или менее сходная с предыдущей. Порой певец между делом вполголоса передразнивает даже сорочьи скрежещущие стоны. Интересно, что в ночном пении варакушки ни разу не приходилось слышать интерпретации голосов дневных певунов, а днём, наоборот, – ночных.

БОЛЬШАЯ СИНИЦА

Дружная парочка больших синиц – двух пушистых лимончиков с чёрной полоской посредине – в поисках места для гнезда облюбовала металлическую трубу, которая исправно и старательно вот уже много лет несёт свою службу в качестве заборного столбика. Таких бравых старых заржавленных служак, несущих на своих плечах уже ветхую во многих местах деревянную изгородь, здесь много, но эта, слегка покосившаяся от времени, сразу очаровала парочку синиц. Видимо, именно таким они представляли себе свой хрустальный замок.

Особенно был потрясён этим сходством глава семейства – синичкин самец. После краткого делового осмотра практичной самкой потенциального заборного гнездовья романтичный самец ещё долго крутился вокруг да около по забору, то и дело присаживаясь на край трубы и с нескрываемым любопытством заглядывая в её отверстие, пытаясь что-то рассмотреть в её космических глубинах. Его всецелая поглощённость трубой и сосредоточенная пытливость в созерцании её глубин были настолько забавны, что вызывали невольную улыбку. При этом весь его восхищённый вид говорил: «Ну, что ещё надо, великолепная труба для благоустройства семейной жизни, впрочем, на этих женщин не угодишь», – и снова вожаделенно заглядывал в таинственную пустоту.

Но неумолимая подружка вполголоса призвала его к благоразумию откуда-то уже из соседнего сада, напоминая ему попутно, чем обернулся опыт такого гнездования у её подруги в прошлом году, когда та, высидывая птенчиков, то и дело испытывала удары судьбы по своей голове, можно сказать, в прямом смысле. Хозяйка того сада, занимаясь прополкой, рыхлением и всякими другими человеческими глупостями, по непонятной прихоти имела обыкновение все найденные ей стёклышки, камушки, кусочки шифера, словом, мелкий хлам с изуверской аккуратностью бросать в трубу ограждения. Можно представить себе весь трагикомизм ситуации, в которую попала бедная синичка-мать, стойчески выдерживая все перипетии вздорной судьбы в лице женщины, любящей порядок в своём саду.

Однажды, когда уже на свет, благодаря невероятной самоотверженности матери, появились хорошенькие и вполне здоровые птенчики, очередной «подарок» по голове от «милой» хозяйки сада в виде солидного осколка красного кирпича оказался столь увесистым, что синичка пискнула от боли и обиды. Эта неожиданная слабость с головой выдала всю её тайну. Не помогли даже самоотверженные манёвры супруга, усердно отвлекавшего внимание не на шутку переполошившегося семейства людей, вдруг осознавшего всю свою чудовищность по отношению к маленькой смелой до самозабве-

ния птичке. Женщина, любящая порядок, призвала к ответственности всех членов не только своей, но и соседской семей. Наконец-то вокруг синичьего семейства в заборной трубе, превосходившего по численности оба человеческих, воцарился относительный покой и долгожданное благополучие.

Выслушивая в пол-уха все эти резонные замечания своей подруги, самец, неохотно шевеля крыльями, оглядываясь на приглянувшуюся трубу в старом заборе, всё же последовал за ней. Затем ещё в течение целого часа он неоднократно возвращался в надежде убедить свою строгую красавицу в неоспоримых достоинствах покосившейся трубы, при этом снова и снова заморожено заглядывая в жерло её тёмной продолговатой вселенной. Но тщетно.

ДУЭЛЬ ЧЕЧЕВИЦ

Территория старого сада входит одновременно в гнездовые владения счастливых парочек варакушки, чечевицы, горихвостки, большой синицы, садовой славки, у которых здесь или в потаённых уголках соседних садов расположены гнёзда. Семейные территории этих птиц священны. Их границы строго охраняются от вторжений соплеменников, но совершенно прозрачны для представителей других видов птиц. Для пар обыкновенной овсянки, лесного конька, вертишейки, садовой камышевки он также является окраинной вотчиной, охраняемой от посягательств своего вида, хотя их гнёзда расположены за пределами сада, но в ближайших окрестностях. Экологическая специализация в питании и подборе мест для гнездовий, с одной стороны, и пластичность в поведении кормодобывания, реакции на человека и прочих ситуациях, с другой, позволяют разным видам мирно жить бок о бок друг с другом, а также с доброжелательными людьми.

Кроме того, сад служит кормовым угодем для грачей, сорок, серых ворон, скворцов, полевых воробьев, иногда коноплянок, щеглов и болотной совы. Воздушное пространство над ним постоянно патрулируется семьей черных коршунов и входит, таким образом, в сферу их владычества. Здесь же в воздухе с ними мирно уживаются деревенские ласточки, для которых это столовая, наполненная воздушным питательным планктоном. Разность экологических ниш, занимаемых разными видами, не создаёт, таким образом, никакой конкуренции ни в воздухе, ни на земле.

Бывают в саду и более редкие посетители: кукушка, иволга, маленький соколик – пустельга, черноголовый чекан, буроголовая гаичка и другие.

Так в бурный период весны постепенно складывается сложная гармония жизни в садовом пространстве и времени. Эта гармония периодически подвергается тем или иным испытаниям то со стороны хищников, то от ударов поздних заморозков или ураганного ветра, то человек вдруг применит ядохимикаты против каких-нибудь вредителей, и это последнее – самое страшное, что можно придумать против целой цепочки хрупких жизней.

Бывают и более безобидные и даже забавные попытки нарушить гармонию семейной жизни птиц. Однажды майским утром два самца чечевицы схватились в воздухе за обладание гнездовой территорией. Вертикально взлетая вплотную друг к другу, грудь с грудью, они отчаянно при этом лупили каждый своего соперника крыльями, нанося хлесткие пощечины и оплеухи, стараясь сбить его «со свечи». В результате честной дуэли один из самцов уклонился, планируя, как сбитый истребитель, в ближайший куст сирени. Как правило, этим конфликты в птичьем царстве исчерпываются. Вот и на этот раз непрощенный захватчик, а почти всегда это именно он,

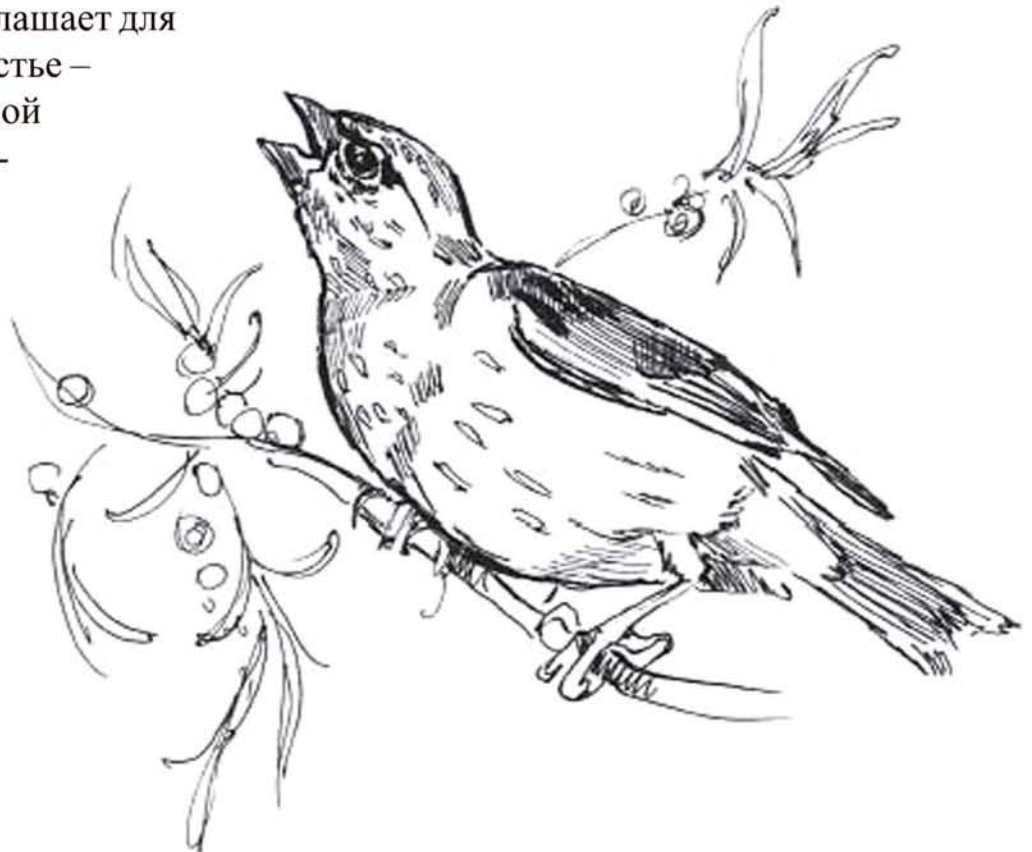

незаметно «растворился», а счастливый победитель знаменует свой успех неоднократной более громкой, чем обычно, воинственной песней: «виии-тю ви-идел?» – с явно вопросительной интонацией. Он задаёт этот навязчивый вопрос снова и снова, провозглашая его как гимн то с проводов, то с любимой сухой веточки вишни в соседнем саду, а то прямо с телеграфного столба неподалёку, по петушинуму выставив яркую грудь цвета спелой малины и явно красуясь перед своей подругой и заодно перед всем миром.

Довольно нередко бывают ситуации, когда сил самца, отстаивающего состоявшееся счастье на своей территории, явно не хватает для отражения напора более наглого противника. Вот тут-то на арене неожиданно появляется третье действующее лицо – его верная подруга. Оказывается, она всегда незаметно, но пристально наблюдает за ходом событий. Причём её вмешательство на стороне своего избранника всегда однозначно и столь решительно, что победа одерживается мгновенно, и потрёпанный противник не исчезает в кустах, а с позором беспорядочно и без оглядки бежит с поля боя.

Упомянутая сухая веточка, которая действительно очень заметна в кроне гигантской старой вишни уже на протяжении нескольких лет, имеет особое значение в жизни нашего малиновогрудого героя. Очевидно, она столь же возжеленна для самца чечевицы, как заборная труба для большой синицы. Не даром к этой веточке он неизменно и верно возвращается из дальних стран в мае каждого нового года на протяжении уже нескольких лет, а это, по сути, почти вся его жизнь. Ведь максимально известный век чечевицы составляет девять лет. И хорошо, что рачительный садовник до сих пор не обрезал дорогую чечевичьему сердцу веточку, с которой сразу же по прилёте он каждый год провозглашает для

всех весну и счастье –
счастье семейной
жизни. Эта су-
хая веточка, не-
казисто торча-
щая из густой
кроны старой
вишни, и есть
олицетворе-
ние его Роди-
ны и радости
встречи с ней,
а для нас – ра-
дости встречи
с ним.

МИРНЫЕ ЖИТЕЛИ САДА

В саду живут по крайней мере две серые жабы. Одна постарше в нижней части его склона облюбовала себе место в траве под небольшим железным баком для воды. Та, что помоложе и помельче, живёт в верхней части в районе оазиса знаменитого поливного крана и старого ржавого гаража, на пенсии служащего сараем. Заходят в сад в своих ночных охотничьих рейдах по окрестностям и другие жабы. Плохо зная местность, они нередко попадают в погреб, как и лягушки. Поэтому время от времени этих случайных «детей подземелья» приходится выручать, отлавливая полуоцепеневших в прохладе погреба и выпуская на тёплый Божий свет, а точнее Божью тень ближайшего куста смородины или жимолости, чтобы ещё не отогревшиеся они не стали лёгкой жертвой для сорок, ворон, грачей, коршуна, соседской кошки... Таким образом, выяснилось, что лягушки тоже обитают в саду. Иногда они встречаются и днём.

Хозяева почвы – дождевые черви. Заметно это становится перед дождём, когда вся земля в саду, а особенно дорожки, будто истыкана шилом от их норок, проделанных наружу. Они служат в это время источником питания для многих врановых птиц и скворцов, которые активно переключаются на эту доступную добычу. При этом важные, словно надутые воздухом, черные грачи губернаторской походкой, наступая ногами на только что засеянные морковкой или свёклой грядки, чинно шествуют по саду, время от времени как бы нехотя, но довольно ловко подхватывая очередного длинного кольчатого зеваку, выглянувшего подышать свежим воздухом. Между парой таких губернаторов с белыми, будто от насморка, носами и самонадеянными чёрными клювами шныряют семенящей походкой мелкие чиновники в чёрном – скворцы. То и дело суетливо кланяясь, они заглядывают почти в каждое отверстие в земле и при малейшем подозрении суют туда свой шиловидный пинцетик-клюв, выдёргивая им из недр почвы бедных дождевичков, уже смекнувших, что на поверхности рассвело и пора делать ноги в глубину до следующей ночи.

Поверхность почвы находится во власти её дневных хозяев – муравьёв. Эти сами кого угодно съедят. В листве деревьев и кустарников сада встречаются улитки, тля, божьи коровки и множество другой живности, не дающей покоя растениям.

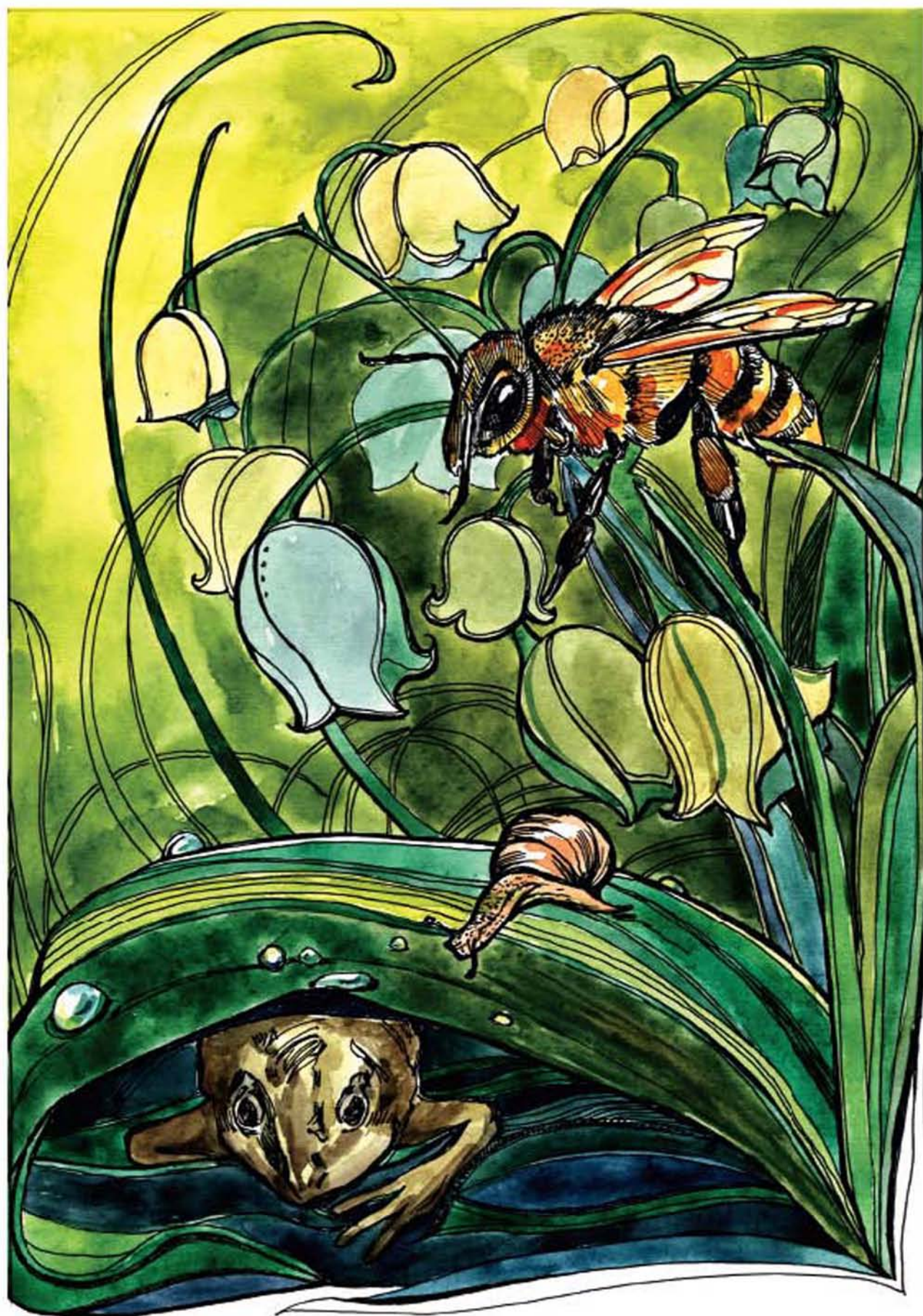
Большой шмель в мохнатой красивой шубе – настоящий медведь в царстве насекомых, только в тельняшке, методично и очень сосредоточенно обследует изящные цветочки целой полянки ландышей под пологом огромной яблони. Такому большому увальню нелегко справиться с этими скромницами, опустившими все как одна свои цветочные веки долу, словно стесняясь

явить из-под защиты широких листьев свою непорочную чистую белизну. Нередко он даже соскальзывает и неуклюже падает своей спинкой прямо на землю под ландышами. Ворчливо жужжа, упрямец ворочается, размахивает ножками, наконец, ему удаётся встать на все шесть лапок. Теперь он включает свой карлсоновский моторчик и снова принимается за дело, распознавая каким-то образом уже посещённые им или другими насекомыми цветки от тех, что наполнены нектаром.

А в это время самоуверенные комары думают, что владеют воздушным пространством сада, несказанно радуя этим стремительных ласточек.

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ К БРАТЬЯМ МЕНЬШИМ

В природе есть глаза более внимательные и коварные, чем человеческие. Это, прежде всего, беспощадные глаза вороны и сороки. Они действительно безжалостные разбойники, убийцы беспомощных пуховичков в гнёздах маленьких птичек и даже более крупных околотовных куликов, чирков, уток, если их родители случайно зазевались. То же можно сказать и о крупных чайках, но они обитают далеко не везде. А вот вездесущие вороны и сороки – это настоящие мародёры и разорители птичьих гнёзд.

Трудно так же укрыться и от острого взора коршуна и совы, специализированных и, так сказать, благородных охотников, для которых добыча является насущным вопросом их собственной жизни. Они не наносят ощутимого урона певчим птицам, так как сосредоточены в основном на мышах и полёвках.

Вот почему в поле зрения нашему неискушенному в суровой птичьей жизни взгляду редко попадаются птичьи гнёзда. Любителю птиц – орнисту – порой нелегко определить место расположения гнезда наблюдаемой им птицы. Искусством потаённого расположения своих гнёзд певчие птицы овладели в совершенстве и постоянно продолжают оттачивать своё мастерство под пристальным взглядом врановых недоброжелателей.

Человек же для них – наивный и добрый арендодатель, создающий своими садами, огородами, постройками в них и всяким хламом в их закоулках благоприятные и укромные местечки для гнездования. Порой человек бездумно, непреднамеренно жесток и слеп в вопросах птичьей жизни. Он эгоистично выкорчёвывает старые деревья и кусты, или вдруг ни с того ни с сего вздумает навести «порядок» за сараем, где до этого были такие уютные завалы разного хлама из ржавого железа, полугнилых досок и веток в зарослях травы со множеством пустот, недоступных для разбойного нападения. А то вдруг ему приходит в голову ликвидировать такие замечательно неприступные джунгли из огромной крапивы с переплетениями вишнёвой поросли, много лет никому не мешавшие за баней. При этом он, как ребёнок, удивляется, обнаружив в таком месте гнёздышко садовой славки, варакушки, горихвостки или белой трясогузки, и зовёт всех своих домочадцев скорее посмотреть на это миниатюрное чудо. Лучше бы прикрыл его поскорее и оставил всё как есть, пока коварно молчаливая в таких ситуациях сорока, которая всегда «одним глазом» наблюдает за действиями наивных людей, не запеленговала уютное птичье потомство.

СЛЕТКИ

Уже в первую неделю июня в наших садах, сёлах и даже в городах происходят очень важные и знаменательные для каждой птичьей семьи события. У многих из них закончилось великое таинство гнездостроения и насиживания маленьких овальных сокровищ, а у целого ряда видов подошла к завершению и беспокойная, но приятная пора выкармливания птенчиков. Они ещё неуверенно вступают на путь самостоятельности, делая первый шаг, первый прыжок, первый полёт за пределы родного гнезда. Пионеры, открывающими молодёжный сезон, являются скворцы, грачи, сороки, вороны, коршуны, белые трясогузки и, конечно же, милые и вездесущие воробьишки двух видов: полевые и домовые. Слётки – так красиво называют птичьих выпускников.

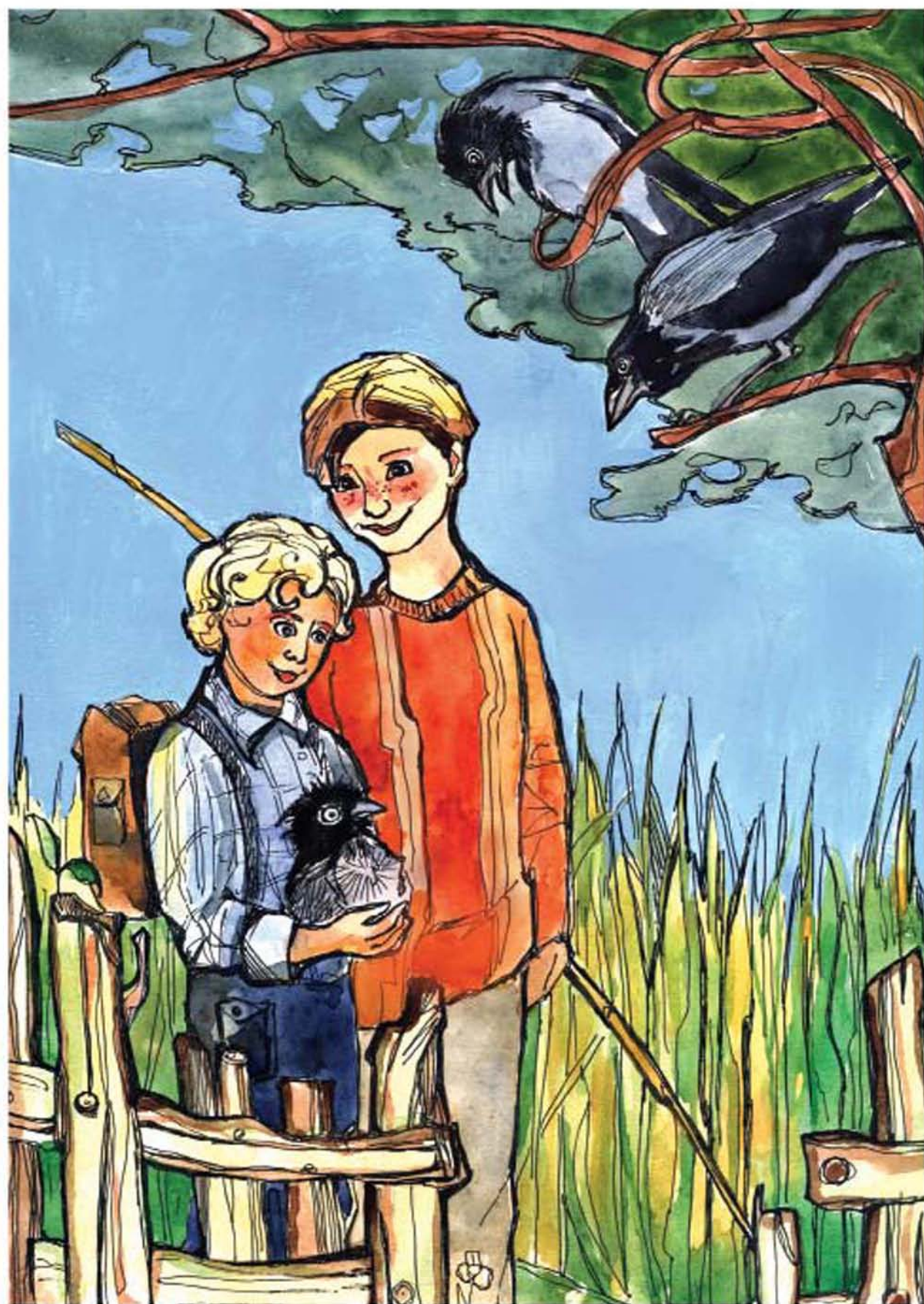
Шаг в неизвестность... Им надо сделать его как можно незаметнее в отличие от выпускников человеческих школ, выпускные балы которых проходят примерно в это же время. Первый полёт в жизнь, наполненную людьми, кошками, машинами, коварством ворон, манящей и пугающей суматохой раскалённого железно-асфальтового города, всевидящими коршунами и стремительными ястребами на просторах лесостепи. Словом, в мир, наполненный неожиданностями, на которые так необходимо правильно и быстро реагировать. Невольно восхищаешься их смелости и воле к жизни. Цена ошибки у птичьих выпускников, как у военных сапёров, – жизнь.

По прошествии уже многих лет всё помнится одна дорожная трагедия из детства. В Барнауле на Потоке по улице Тимуровской был кинотеатр «Юность», а далее за ним – небольшой и вроде бы тихий перекрёсток. Ничто не предвещало беды семейству домовых воробьёв, мирно что-то склёвывавших у обочины под сенью вековых клёнов. Легковушка вынырнула из-за кустов у поворота дороги столь стремительно, что ни один из слётков не успел правильно на неё среагировать, те, которые всё же взлетели и потянули вверх, были сбиты. Взрослые мгновенно брызнули низом в стороны и недоумённо и тоскливо смотрели с ближайшего клёна над дорогой то на ещё трепещущие пять пушистых комочков на асфальте, то на удаляющуюся машину. Прошли годы, но запомнилось тихое, особое, даже совсем не чирикание, а какое-то горестное воробьиное всхлипывание.

В начале июня скворчата покинули свой надёжный скворечник в саду и вместе со взрослыми под их неусыпным контролем откочевали в широкую пойму гостеприимной Оби.

Теперь тот же самый скворечник служит дружной паре полевых воробьёв, которые, видимо, давно положили на него глаз, облюбовав для дальнейшего продолжения своего неутомимого рода. Только что, сделав свой

первый в этом году выпуск молодняка в большой свет из-под застрехи под шифером на сарае, нимало не горюя, что «терем с дворцом кто-то занял», счастливая и неустанная парочка принялась за второй цикл гнездования, справив новоселье. И пока молодых, еле оперившихся выпускников докармливает заботливый воробей-отец, воробей-мама уже благоустроила на свой вкус новое жилище.

К оставшемуся скворчиному гнезду в виде утоптанной его нетерпеливыми подростками бесформенной ветоши она добавила ещё целый ворох своей, забив ею весь скворечник под самый леток, и приступила к откладыванию и насиживанию яиц. Воробей же в это время «разрывается», оказывая внимание и посильную мужскую поддержку своей детолюбивой подруге и одновременно разыскивая по окрестным кустам и деревьям своих разлетевшихся отпрысков, чтобы каждого накормить и попутно дать какие-то строгие наставления по поводу опасностей самостоятельной воробьиной жизни. Кроме того, он ещё успевает оказывать знаки внимания симпатичной и, по всей видимости, незамужней воробихе, то и дело попадающейся ему на глаза.

Первые несколько дней своей послегнездовой жизни воробьята так же, как и скворчата, служат лёгкой добычей для хищников. У чёрных коршунов, ворон, ястребов в этот период не бывает проблем на охоте. Это важно, так как у них в эти же сроки вылетают из гнёзд свои выпускники-слётки.

Вместе с парой чёрных коршунов в небе летает на ещё неокрепших крыльях их юный питомец, неуклюже пытаюсь повторять за родителями-асами красивые воздушные пируэты. Вырезка на хвосте в виде прищепки выражена у него не столь очевидно, как у родителей, а в развёрнутых крыльях ещё есть прорехи от недостающих перьев. Но и без этих признаков подростка видно издали по ещё неуверенному полёту с шараханьями из стороны в сторону от дуновения лёгкого ветерка, по старательным частым взмахам крыльев с неоправданной затратой энергии в погоне за родителями, в то время как те рядом без усилий, слегка поводя крыльями, корректируя тем самым угол атаки плоскости крыла по отношению к меняющимся струям воздуха, элегантно поднимаются вверх на его восходящих потоках.

Интересно наблюдать, как быстро усваиваются первые азы пилотирования старательным слётком коршуна. Кажется, он ещё сам побаивается высоты и своих собственных крыльев, удивляясь их неожиданным возможностям. Затаив дыхание, юный коршун испытывает целую гамму чувств: то страх, то удивление, то восхищение. Время от времени они переполняют его сердце и, ощутив прилив опьяняющего восторга свободного полёта, недавно оперившийся выпускник враз теряет на несколько секунд контроль над координацией собственных движений. Молодой «авиатор» натывается на соб-

ственных родителей, как будто в небе мало места. Взрослые птицы всё время терпеливо кружат рядом, трогательно и уверенно опекая подростка и в то же время неуклонно приглашая его за собой вверх. Даже с земли ощущается их сильная морально-волевая поддержка.

Сорочья молодёжь также покинула свои надёжные шарообразные гнёзда-крепости. Ершистое, как огромный ёж, с торчащими во все стороны ветками, да ещё с массивной крышей сверху, небрежно набросанной в псевдоготическом стиле – не гнездо, а укрепрайон в чащобе непролазного кустарника.

В таком можно было отсиживаться до зимы, но подошло время непреодолимого желания странствий, и дружной гурьбою сорочата вышли за порог надёжного родного дома.

В этот период нередко можно видеть потешные живые бусы, старательно махающие крыльями с целью пересечь открытое пространство между двумя соседними берёзовыми рощами или русло небольшой речки. Они состоят из набора порхающих запятых – 5-7 сорочат, которые летят строго друг за другом в заданном мамой направлении. Делать крутые повороты они пока не умеют так же, как и управлять своими ещё не вполне отросшими, но зато неуклюжими хвостами. Такое впечатление, что сорочата вообще не знают, куда деваться от этого длинного коромысла сзади, а тем более как им пользоваться. Впереди такой трогательной дружной цепочки всегда следует взрослая сорока с полноценным хвостом, а поодаль страхует всю семью сорочий папа. В этот ответственный момент важно, чтобы не было ветра в спину «цепочке», а если озорной порыв воздуха всё же налетает, бусины под раздувшимися хвостиками-парусами начинают заваливаться, «клевать носом», как неуклюжие каравеллы в шторм, и всё ожерелье грозит вот-вот разорваться. Но впереди – спасительная гавань первых кустиков, и вся эскадра исчезает в них, словно растворившись.

Переведя, таким образом, своих отпрысков из одной кустарниковой кущи в другую, сороки-родители отлучаются на поиски пищи, так как их питомцы не только не владеют искусством манипулирования своими замечательными хвостами, но и отысканием хлеба насущного. Молодые сороки ещё слишком простодушны и неопытны для этого. Этого опыта они будут набираться всю жизнь, но основы должны быть заложены уже до осени.

Совсем молоденький слёток серой вороны с наивными глазами затаился на краю пшеничного поля неподалёку от берёзового колка, где он, очевидно, и увидел недавно впервые белый свет. Он не знал, что его сизовато-пепельная «безрукавка», накинутая на плечи, издали видна на фоне сочной зеленой «щётки» едва поднявшейся пшеницы. Поэтому мальчики, которые шли мимо

на рыбалку, сразу заметили его и легко поймали, отрезав путь к роще, куда вороненок попытался улизнуть пешим ходом. После первых «стрессовых» впечатлений с обеих сторон воронёнок успокоился и притих в руках мальчиков, а они в свою очередь решили сделать доброе дело – научить его летать, «а то ещё поймает кто-нибудь».

Но после нескольких попыток подбрасывания птенца в воздух и неизменного его планирования на землю, они оставили эту бесплодную затею, посадили слётка на ветку черёмухи и ушли. Тем более во время учений появились взрослые вороны-родители и своим тревожным карканьем дали понять, что не одобряют преждевременных полётов.

А в это же время в соседней полезащитной лесополосе в дупле старого сухого тополя «созрели» для вылета птенцы большого пёстрого дятла. Они так громко и самонадеянно об этом заявляли на всю степную округу, что доселе укромное дупло у полевой дороги, остававшееся незамеченным почти весь период их счастливого дятлового детства благодаря стараниям заботливых родителей, стало центром всеобщего внимания.

Оголтелые подростки то один, то другой наполовину высовывались из дупла, отгалкивая друг друга от летка и оглашая окрестности резкими отрывистыми выкриками. Но страх перед манящей неизвестностью заставлял на секунду ретироваться зарвавшегося нахала, и его место мгновенно занимал другой такой же. При этом каждый из них старался продемонстрировать всему миру свою модную ярко-красную тюбетейку на темени.

Время от времени подлетал один из родителей с полным клювом какой-то вкусной снеди. После приёма такой порции в дупле на несколько секунд воцарялось относительно умиротворённое спокойствие.

А в саду большую раскидистую старую яблоню другая пара заботливых полевых воробьёв-родителей предназначила для прохождения послегнездовой практики своими неокрепшими птенцами. Её густая стелющаяся далеко по сторонам крона и поднявшаяся навстречу ей высокая трава по краям стали одновременно надёжной защитой, убежищем и воробьиной академией на ближайшие несколько дней для симпатичных любознательных птенцов.

Лучшее место для освоения азов самостоятельной жизни трудно представить. Торчащие во все стороны сучья яблони создают обширное пространство внутри её полога, где в безопасности можно познакомиться и с муравьём, и с божьей коровкой, потрепать снулую с утра бабочку-боярышницу, подхватить с земли в приствольном круге зазевавшегося после ночного мотания под лёгким дождичком червяка и, вообще, вдоволь покопаться у ствола, как копается ребёнок в песочнице. В период жаркой полуденной сиесты в укромной тени густой яблони, наспех почистив пёрышки, можно, подрё-

мывая, в полглаза наблюдать внизу под собой таинственную жизнь задумчивых лягушек и юрких резких в движениях ящериц. Время от времени к этой идиллии присоединяется один из родителей, к которому немедленно устремляются все «студенты» с жадно разинутыми клювиками и трясущимися от вожделения пицци крылышками. Родитель наделяет ею самых оголодавших и шустрых и немедленно исчезает.

Вскоре начинаются вылеты молодёжи за пределы яблоневого академии для обследования рядков лунок с только что высаженной рассадой помидоров, на ближайшую морковную грядку или даже предпринимается рейд на картофельное поле. Ещё немного и наступит время, когда они уже перестанут регулярно возвращаться под яблоню. Впереди академия странствий.

ТОКОВАНИЕ ВАРАКУШКИ

Длинноногая самочка варакушки с изящным, но скромным ожерельем в виде овального пунктирчика на шейке внимательно исследует в саду только что выкопанные лунки для посадки в грунт помидорной рассады. Она просто очарована этими холмиками и углублениями из свежей сырой земли так, что ловко бегают, то и дело ныряя в очередную лунку, в двух метрах от копающего их садовода. Кажется, она абсолютно поглощена собиравшимся каких-то мелких почвенных обитателей, оказавшихся по воле случая и доброй матушки-лопаты на поверхности. При этом варакушка, замирая на время на очередном холмике, внимательно разглядывает человека своими доверчивыми глазками. Но если на неё «не обращать внимания», то и она «не обращает внимания» на поглощённого своими помидорами человека.

Неожиданно откуда-то сверху «сваливается» чуть ли не на голову дружным труженикам огорода самец варакушки. Совершенно очарованный и распалённый балетом своей подруги среди помидорных лунок он кидается прямо к ней, не в силах сдержать жаркого восхищения. В порывистом энергичном танце токующий «минитетерев», высоко закинув и распушив свой великолепный охристо-рыжеватый хвостик, гордо выпятив грудь и сияя оранжевым полумесяцем в окантовке кобальтовой синевы на горлышке, преследует свою балерину.

Когда он почти наскакивает на неё, варакушка, резко разворачиваясь, встречает своего пылкого избранника лицом к лицу и, «ослеплённая» его великолепием и преданностью, замирает на секунду в восхищении от кружащейся перед ней в это время «радуги» с настойчивыми увещеваниями в голосе. Возбуждённое, очень энергичное токование самца варакушки сопровождается особым приглушённым, но требовательным воркованием, чем-то напоминающим по звучанию отдалённую переключку речных крачек.

В следующий момент, придя в себя, своевольная скромница снова пускается вприпрыжку от своего обожателя, который немедленно настигает её, и вся головокружительная феерия танцев, красок, звуков, поз повторяется в приствольном круге под вишней. Через несколько секунд – уже на садовой дорожке, ещё мгновение – и страстная серенада в сочетании с огненным фанданго закрутилась почти у самых ног ошеломлённого красотой варакушкиной любви человека и уставшей лопаты, замерших в немом восхищении.

Наконец, страсти затихают где-то поодаль в яблоне. Словно шквал свежего ветерка пронёсся по саду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ САДОВОЙ СЛАВКИ, ИЛИ ЖИМОЛОСТЬ ОБЕТОВАННАЯ

*Мне не надо другого рая,
Я уже проживаю в раю.
Нет чудесней природы Алтая
И прекрасней – я вам говорю!*

**Светлана Рихтер
13 лет, Косихинский район**

Середина мая. Распускаются маленькие, ещё такие несмелые листочки на жимолости. Опережая их, весь старый раскидистый куст обильно обсыпали неяркие «трубочки» цветов. Принаряженный куст упруго колыхается в порывах ветерка. Чтобы заглянуть в его глубины, надо наклониться вплотную, но и тогда увидишь только густую сеточку переплетений ветвей, веток и веточек. Обычный куст.

Самец садовой славки, примчавшись из дальних стран, первым делом ринулся к заветному кусту жимолости. «Слава Богу! Не занят», – говорил весь его гордый и уже воинственный на всякий случай вид в сочетании с беспокойным шныряньем в вожделенном кусте. Будто живая иголка, он пронизывал великолепную раскидистую жимолость вдоль и поперёк, словно не веря своему счастью. О, что это была за жимолость! Он мечтал о ней всю зиму в саваннах Африки, и пролетая над Палестиной, едва живой после жарких песков Аравии, и даже, когда чудом избежал когтей дербника в Иране. Желтовато-кремовым облачком маячили в воображении скромные цветы, обильно усыпавшие любимый куст.

В прошлом году маленькому герою так и не удалось загнеститься в нём. Всё вездесущие люди из зелёного садового домика рядом, которые никак не могут понять, что этот куст принадлежит ему. Причём у него – все наследственные права, ведь четыре года назад он родился в нём. А с тех пор, как два года спустя он сам обрёл в нём своё гнездовое счастье с самой очаровательной садовой славкой на свете, этот кустику жимолости стал для него самой дорогой и единственной точкой на планете Земля, воплощением птичьего счастья.

Сам он довольно легко, если уж совсем не легкомысленно переносил все беспокойства вокруг заветной жимолости. То кто-то пройдёт по тропинке мимо с лопатой, то чуть ли не над самой головой какой-то рев: «Принеси

грабли», то в куст летит очередная порция воды из тазика – «подарок» от чистоплотной хозяйки, вечно что-то моющей и скребущей в домике. Между затаиваниями в густых дебрях жимолости от двуногого прохожего или увёртыванием от очередного «душа» самоотверженный однолюб успевает спеть своей звучной славочьей скороговоркой с журчащими переборами гимн весне и настойчивый призыв к подруге посетить, наконец, его любимый куст и оценить его по достоинству.

Постоянно возбуждённый, он обследует все закоулочки ближайших окрестностей: дряхлый забор, опирающийся на буйную поросль клёна и набирающую силу невесть откуда взявшуюся дикую бузину, кустик красной смородины, какой-то невообразимый, но привлекательный хлам за сараем, где так уединённо и уютно – переходит по кругу (это настоящий пеший обход, а не облёт) на большую красную рябину, продолжая тщательный осмотр личных угодий. При этом время от времени слышится громкий оптимистичный речитатив его песенки, чередующийся с призывными сигналами.

Наконец, его настойчивость награждена всего лишь ответным негромким сигналом: «чак», означающим в переводе на русский: «Я здесь». В ответ тотчас слышится громкая песня и целая серия призывов: «Чак, чак, чек» и, наконец, нетерпеливое: «Джек» – «Ну, где же ты?» Всё смолкает, только краем глаза случайно улавливаются порывистые осторожные движения по уже описанному маршруту только в обратном направлении маленькой пепельно-серой тени с раздутым светлым горлышком, двумя любопытными и доверчивыми искринками глаз, при встрече с которыми постоянно ощущаешь вопрос: «А тебе можно доверять?». Но, что это? Ещё одна крохотная тень скромной мышинной масти – она. Надо отойти от жимолости, чтобы не мешать, а то вдруг не понравится избраннице маленького кавалера столь неуместное соседство со мной её будущего гнезда. Нельзя подвергать столь серьёзному риску все планы на семейную жизнь двух маленьких птичек.

Едва сделав шаг восвояси, я услышал из глубины заветного куста весьма необычную, очень приглушённую песню-речитатив, обычная садовая славка исполнялась теми же словами, но шёпотом. И действительно, это была песня только для неё. Как будто он торопился сказать ей на ушко всё самое важное: как прекрасен и надёжен этот уголок, что удаляющийся от куста двуногий совсем не опасен для них и ещё, и ещё много чего-то важного. Но нехорошо подслушивать чужие разговоры, и я поспешил удалиться.

ЛАСКА

У поливного крана в середине мая впервые появилась ящерица. Как и в прошлом году в это время, она стремилась к воде. Шорох потревоженных старых трав и сухой уплотнённой за зиму ветоши, как гром среди тихого полдня, выдавал каждое порывистое движение элегантной коричневой «ящурки». Вот и «опушка» на краю дремучих трав под забором у самого крана. Ящерка замерла живым изваянием, изучая открытое пространство сырого пятна земли и уже пробивающейся на нём маленькой травки. Как хочется полежать здесь, впитывая всем телом долгожданную влагу. Но вместо этого кем-то неожиданно встревоженная ящерка коричневой пружинкой проворно скрылась в резко зашуршавшей под её лапками траве.

Виновник страха обнаружился немедленно, метнувшись живой упругой ленточкой вдоль изгороди, – ласка. Порывистый зверёк замер у крана так же резко, как и двигался, превратившись в маленький скульптурный шедевр. Он был необыкновенно чёрен, только брюшко выделялось чётким белым шнурочком, виднеясь под тёмной ленточкой верха его удлинённого тела. На миниатюрной мордашке под маленькими ушками искрились, нет, просто сияли любопытно-удивлённые задорные глазки без малейшей тени страха. Они смотрели дерзко в упор. Это совсем другой взгляд на мир. В отличие от мудро-осторожного, изучающего взгляда ящерицы, как бы вопрошающего окружающее пространство: «Всё ли в порядке?». Два взгляда на мир: светящейся мудрости и азартного задора, осторожности и поиска приключений.

Через доли секунды «ленточка» порывисто развернулась как раскатывающийся бинт и побежала обратно, но уже в следующую секунду – новый манёвр в противоположную сторону, и зверёк, ещё раз пробежав мимо меня, скрылся вслед за ящерицей в громогласном шорохе трав.

Замешательство ласки от ускользнувшей ящерицы и человека в полуметре от себя, на которого она так неожиданно для себя и для него набежала в порыве охоты, длилось 1-2 секунды. И всё же азартная страсть победила все неожиданности и осторожность, и после секундного отступления маленький охотник вернулся к преследованию добычи. В этом весь характер ласки.

Это действительно смертельная гроза для местного семейства ящериц и особенно для всех окрестных мышей и полёвок, которых не спасут от ловкой удлинённой «ленточки» даже их глубокие норки. Хомяку, по-хозяйски расположившему свою нору возле погреба в саду неподалёку от поливного крана, тоже не мешало бы задуматься.

ОВСЯНКА НА ВОДАХ

Самочка овсянки прилетела в вечерний тихий час к приветливо сочащемуся водой поливному крану как раз во время подачи воды, специально чтобы почистить пёрышки. Сидя на нижней перекладине деревянной изгороди прямо над краном под сиренью, она с наслаждением поправляла, перебирала, причёсывала клювом свои красивые пёрышки. Казалось, что этому прихорашиванию не будет конца.

Но вот овсянка слетела прямо под кран в небольшую лужицу, устланную по дну старыми листьями, опавшими ещё осенью с сирени. Здесь она стала принимать ванну одновременно с душем в виде капель из крана. Взъерошившись от удовольствия и слегка трепыхаясь там, «где воробью по колёно», птичка всё время охарашивалась клювом.

Кажется, не было забыто ни одно из многих сотен пёрышек, каждое прилежно вычищено, пропущено через клюв, как через расчёску, и бережно уложено. Так овсянка совмещала купальню и парикмахерскую. Не то что воробьи, трепыхаются как попало, в луже на асфальте гурьбой, вульгарно чирикавая, у овсянки всё молча, интимно, в одиночку, с чувством, с толком, с расстановкой.

По-овсяночьи флегматично, не торопясь после ванной, птичка предприняла прогулку-моцион по кругу между ближайшими молодыми кустиками жимолости и смородины. Так, для себя, небольшой моциончик удовольствия ради, которое, казалось, изображала вся распушившаяся для просушки фигурка и походка маленькой курортницы на водах, состоявшая из отдельных неторопливых, в тоже время дежурно настороженных пробежек. Всё-таки о всякого рода опасностях тоже забывать не надо. Благоразумие у овсянки – прежде всего.

При этом птичка явно осознавала, что она невидима с дороги за забором, сиренью и старым бурьяном, не обращая внимания на редкие машины и прохожих, которые и не подозревали, что ходят буквально в двух шагах от птичьего санатория.

ЗАКАТ В СТЕПИ

Закат в степи совсем не то, что в горах. Он поражает своей величественностью и необыкновенной соразмерностью великих пространств степного и небесного безбрежья. Рельефный раскалённый шар степенно и неотвратно движется, склоняясь к западу. Чем ближе он продвигается к горизонту, тем доступнее становится глазу. Чем больше он склоняется к закату, тем краснее и рельефнее становится, наливаясь поистине космической энергией. Он переливается, светится, уже не обжигая как днём, но насыщая весь воздух лёгкими разреженными лучами. Кажется, каждая молекула, каждый атом отражает этот божественный свет, купаясь и ликуя в нём.

Пунцовый диск стремится всё ближе к макушкам далёкой берёзовой рощи, выглядывающей из глубокой балки, прорезавшей весь левый край степи. Возникает равновесие. Наступают минуты гармонии чёрной полосы свежевспаханной земли, белоствольной щётки ещё нераспустившихся берёз и оранжевого солнца над ними. Это чёрно-бело-красная гамма весенней степи.

Совсем не так в горах. Там солнце исчезает неожиданно, почти сразу, лишь только коснётся рёбер ближайшего хребта, без долгих прощаний. Сколько раз, ещё не успев остыть от белого раскалённого дня и невероятного горного перехода, приходилось вдруг ощущать всей спиной пролёгшую откуда-то по всему ущелью холодную тень. словно неведомый великан, немислимо как подкравшийся к тебе сзади, положил свою неумолимую холодную длань на плечо. В степи закат – это космическое действие. В горах – неожиданное таинство.

Цвет неба в степи неодинаков. Может быть, в нём отражаются большие массивы свежей весенней пашни и пятна нераспаханных сенокосов и пастбищ? Так, например, по цвету неба на горизонте в Арктике опытные полярники определяют, что впереди – открытое море или сплошные паковые льды. Может быть, и в степи можно так же по оттенкам неба предугадывать то, что скрывается далеко впереди за горизонтом: пашни, леса, перелески с выгонами, а может, последний кусочек вольной ковыльной степи Алтая.

СКВОРЦЫ НА ОБЕДЕ

Пара скворцов посетила старый сад в качестве столовой как раз в майский полдень. Они «паслись» сосредоточенно и деловито, выбирая участки с растрескавшейся после таяния снега почвой. Верхний её слой подсох на ветру в виде «блинчиков» разной величины, отделённых друг от друга сеточкой трещин. Признак истощённой земли. Такие «блинчики» легко «скалываются» – отделяются от ещё сырой почвы, лежащей немного глубже.

Вот откалыванием и перевёртыванием таких «блинчиков» и занимались скворцы. Свой жёлтый клюв-пинцетик скворец ловко подсовывает через трещинку в почве под сухой снаружи «блинчик» и одним лёгким движением переворачивает его, быстро-быстро выбирая всё, что под ним обнаружилось. Это обычно зеваки – дождевые черви, принимающие воздушные ванны в верхнем уже более или менее прогретом слое почвы, но ещё при этом благодатно сырым. Как правило, эти разомлевшие после долгой зимы в тепле, сырости и неге растяпы не успевают улизнуть от проворных «пинцетиков».

Часто, ухватив за кончик, торчащий из норки-санатория, червяка-курортника, скворец резким движением головы вверх вытягивает его всего на поверхность. Только успеваешь мелькнуть в клюве розоватый «шнурок», как очередь уже за другим.

Так скворцы перевернули все земляные «блинчики» на большом участке в несколько квадратных метров, не забывая поднимать или забавно заглядывать под старые листья от яблони на земле и приподнимать сухие листья ландышей, забредая на их куртинку в приствольном круге. Ведь сухой лист ландыша не перевернёшь, он ещё крепко связан с растением и ложится на то же место после придирчивого скворчиного осмотра.

Иной раз скворец, подцепив и мельком заглянув одним глазом под очередную земляную «лепёшку», оставлял её, даже не переворачивая, зачем, если под ней ничего не оказалось. Чтобы удобней было переворачивать плоские «лепёшки», скворец на доли секунды широко раскрывает клюв, действительно, образуя как бы раскрытый пинцет, предотвращая тем самым вращательное движение переворачиваемой «лепёшки». Такое вращение могло бы ударить по голове и вообще породить лишние движения.

Глядя на ловкую, отточенную до мельчайших подробностей работу скворцов, невольно восхищаешься чёткостью, строгой отлаженностью и удивительной лаконичностью каждого их движения. Всё предельно выверено, ничего лишнего. К тому же скворец порой так заинтересованно и длительно склёвывает что-то, что хочется скорее бежать и самому переворачивать все эти загадочные «блинчики» и «лепёшки», разглядывая волшебный мир почвы, скрытый под ними.

МАЙСКИЕ АРАБЕСКИ СТАРОГО САДА

**Мне хотелось увидеть,
Как весна к нам приходит,
Ручеек и сосульку,
Бурных рек половодье.**

**Денис Колупаев
15 лет, Курьинский район**

Уже близится к концу первая неделя мая. Сегодня начало вспашки бескрайнего на первый взгляд поля в «нижней» степи за большим логом. Степь выпуклая, как спина бегемота, поэтому другого края её не видно, что и придаёт ей дополнительную бескрайность.

Букашка-К-700 тянет плуг с боронами, оконтурил всё поле по периметру и затем начал последовательно с одного его края вспашку челночным ходом. С высокого противоположного склона большого лога виден очень неровный край пашни. Видимо, тракторист неопытный. Трактор со всеми навесными орудиями вынужден идти змеевидным замысловатым ходом, всё более усложняя «кружево» пашни.

В прошлом году это поле было аккуратно и по-молодецки вспахано за один день и засеяно за другой. Совсем не то нынче. Бедное поле «утюжат» уже несколько дней гусеничными тракторами после злополучного К-700 и всё с плугами. За ними – пыль, как грозное облако.

За каждым трактором следует неперемный живой шлейф из грачей и ворон. Иногда сюда же подлетают поживиться на свежей пахоте сороки и сизые чайки из поймы Оби. Чёрный плащ из грачей и ворон накрывает пашню сразу следом за плугом. Множество чёрных клювов выхватывает из перевернутой вверх тормашками почвы дождевых червей и прочую живность. От этой кавалькады с отблесками солнца на чёрных крыльях, похожими на вспышки солнечных зайчиков, отделяются одиночные птицы и, набирая высоту, чтобы преодолеть высокий склон лога, тянут куда-то в соседнюю «верхнюю» степь, где в одном из колков неподалёку от деревни расположилась большая многолетняя колония грачей – грачевник. Здесь их ждут птенцы. Между полем и грачевником по прямой около пяти километров. Так и курсируют чёрные крейсера в обе стороны, пока идёт вспашка.

Изо дня в день маршрут видоизменяется в соответствии с продвижением техники на полях.

Сизые голуби порой целой стаей так же следуют за папущим трактором, но это бывает далеко не всегда. Голуби летят на некотором удалении от трактора и от грачей с воронами, которые снуют непосредственно за плугом и снимают как бы самые «сливки» с перевернутой плугом земли.

Птенцовое поведение у самки сороки перед самцом; судорожное трепетание крыльями, выпрашивание корма с жалобными нотками в скрипучем голосе, призывное вздрагивание крыльями с эффектом вспышки и голосовое подражание птенцам. Весь этот театр для одного избранного зрителя закончился, как и следовало ожидать, кормлением «актёра», точнее актрисы зрителем.

Обыкновенные овсянки. Это именно они любопытничали подробностями наведения порядка за старой баней, где шла разборка завалов из обрезанных веток яблонь и некогда выкорчеванных и брошенных здесь кустов старой смородины. Всё это буйно поросло крапивой. И этот «райский» уголок теперь приводился в порядок с помощью топора, граблей и костра. Это «безобразие» и привлекло такое пристальное внимание сразу нескольких овсянок. Они прилетали несколько раз, чтобы ещё и ещё проконтролировать качество работ, подолгу осматривая новшества, словно что-то запоминая.

По дну балки течёт ручей. Местами он даже потихоньку журчит в полголоса. Часто он разливается по всему днищу балки, превращая её в топкую согру. В любом случае балка едва проходима от зарослей ивы, местами осины, берёзы, переплетённых кустарниками и сплошным тростником в рост человека.

Склоны крутые, по ним идти неудобно. Кроме того, трава, покрывающая их, сильно скользит, независимо от того мокрая она или сухая. Нередко встречаются голые крутые склоны и глинистые осыпи. Из одного бокового кулуарчика недавно сошёл мощный оползень, переместивший до тонны грунта. Большой массив склона в результате неравномерного протаивания в толще грунтов и перенасыщения их влагой, оторвался от края левого борта балки и стремительно сошёл вниз под углом около 45°, достигнув днища и проложив по нему мощную зону выноса. Взирая на эту мощь, с которой масса земли в доли секунды переместилась за десятки метров, выпахав в склоне ложбину, сорвав по пути весь растительный почвенный покров, разметав его по сторонам, погребая под собой в конусе выноса кустарники и ломая деревья, невольно приходишь в трепет и восхищаешься силами природы.

Вспоминается принцип актуализации в соотношении масштабов и времён, ледниковых эпох и потеплений... Даже на равнине и в наше время геоморфологические процессы не затухают совсем, продолжают свою работу, наносят новые смелые мазки и штрихи на современную картину земной поверхности, постепенно меняя её облик.

На южном склоне, в который целый день упираются солнечные лучи, живут прыткие ящерицы. Здесь в траве порой видны их тропы и норки, а то и сами хозяева.

Два соседних кулуарчика в южном склоне балки поделили между собой две парочки черноголовых чеканов. У каждого из ярких самцов свой наблюдательный пункт: у одного – на сухом стебле зопника на краю склона, у другого – вершина голого глинистого выступа так же на самом верху склона. Наблюдательные пункты расположены очень рационально, позволяя их обладателям видеть всё, что делается в ближайших степных окрестностях за бортом балки, и одновременно обозревать весь её нижележащий склон и большую часть днища, т.е. практически весь гнездовой участок. И песня отсюда слышна далеко, несмотря на заглушающий её шум ветра в траве. Где-то между этими двумя птичьими владениями проходит по выступу склона невидимая граница.

На дне балки много бабочек. Здесь почти не чувствуется ветер и к тому же много корма. Жёлтая лимонница предпочитает цветы медуницы, на которых и замечены все семь встреченных бабочек этого вида. Три крапивницы и один дневной павлиний глаз – на цветах ивы (серёжки). Цветёт осина, ветерок играет её безвольно висящими на ветках серёжками, как маленькими тряпочками. Целая рощица из молодых осинок прилепилась к крутому склону на его середине и приветливо машет отсюда своими платочками-серёжками. Но это только отпугивает бабочек. Приветливые осинки несколько от этого не смущаются, им достаточно общения с ветерком, который играючи небрежно переносит их лёгкую пыльцу с цветка на цветок. У пруда и в боковых оврагах на полуоголённых склонах цветёт мать-и-мачеха. Много шмелей, мух и каких-то перепончатокрылых, а также одиночных пчёл и ос. Все они выются исключительно на устойчивых и почти неподвижных на ветру ивовых серёжках. Встретилась ещё бабочка, видимо, из голубянок только с зеленоватым отливом (сложенные крылья) и ещё маленькая белая с черным рисунком. В широком боковом распадке балки под берёзами стоят уже переполненные банки с соком. В них продолжают капать живые силы добрых деревьев из проделанных кем-то дырочек в белых стволах.

Покрылся «дымкой» зелени кустарник в роще на склоне большого лога. Зеленовато-дымчатый налёт заметен и на берёзах, проклёвываются листочки из почек. Дымчатость придают берёзовые серёжки на цветущих деревьях.

Проклёвываются почки и на старой яблоне. Оживает. Значит, не замёрзла. На смородине листики уже торчат морщинистыми язычками, поэтому кусты подёрнулись изумрудной ещё прозрачной вуалью, не скрывающей скелета веток.

Крапивница садится на вскопанную влажную землю, пока ветер не успел её высушить. Есть крапивницы «старые», перезимовавшие. Они блёклые и как бы немного, а порой и очень изрядно пообносившиеся. Так, что иногда сразу и не признаешь крапивницу в столь оригинальных обносках, что за экзотический вид. А есть крапивницы свеженькие глянцевого, сияющего чистыми красками, «молоденькие», только что вышедшие из перезимовавших куколок.

Большой пожар охватил внезапно весь макросклон большого лога. Страшная стена огня поднялась разом как живая от сухой травы, накопившейся не за один год, и кинулась на закустаренную рощу на склоне. В несколько секунд роща исчезла в гудящем на ветру огне. Между мечущимися гигантскими языками пламени в самой чаще горящей рощи сквозь марево огня некоторое время ещё было видно два гнезда: сорочье и совиное. Через мгновение пламя, кидающееся в разные стороны, овладело всем склоном. Садовый домик на его вершине вспыхнул как факел. В несколько минут склон превратился в чёрное пепелище. Кто-то забавы ради пустил пал с помощью обыкновенного окурка.

По расписанию ветра в мае можно сверять часы. С переменной силой он дует весь день, не переставая. Но к вечеру его сила постепенно ослабевает, лёгкие порывы – всё реже, и к 8-9 часам он стихает полностью. Наступает тихий благостный вечер. В мае до распускания листвы он бывает особенно пронзительным от чистоты и спокойствия воздушного океана по всей его глубине до самого дна, где мы обитаем. Комаров нет. Не пришла ещё их пора. Часов с 12 ночи начинается лёгкое волнение, переходящее к рассвету в воздушный порывистый шторм. С утра ветер крепчает, свежеет, как сказали бы на парусном флоте. Затем всё расписание повторяется. Воздух движется с упругой силой всё время с юго-запада на северо-восток. Так, что это, можно сказать, расписание юго-западного ветра. У остальных свой график и черёд.

ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАВОРОНКОВ

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жаворонок поет
Заздравный гимн весне.

Е.А. Баратынский

Два великолепных солиста высокого полёта – два полевых жаворонка, поделив между собой пшеничное поле, заливаются каждый над своим участком в дальнем поднебесье. На незримой границе их владений, где затихает и становится еле слышной песня одного из них, наоборот, усиливается и с продвижением по пыльной полевой дороге, видимо, ближе к центру личного удела набирает силу песня второго жаворонка. Словно идёшь по широкому степному концертному залу без стен и препятствий.

Два прекрасных звуковых водопада по очереди, сменяя друг друга, льют свои ласковые, но сильные звуковые струи из синего неба. Музыка гор – это по преимуществу симфония воды. Музыка степи – ветер и жаворонок. Там вздыбленная ледниковыми зубцами земля дотянулась до неба, здесь небо тягучими вибрациями ветра и песней жаворонка снизошло до земли.

В середине мая полевые работы, вспашка полей и сев вытеснили жаворонков из степи. Прилетевшие в начале апреля из Средиземноморья и Центральной Азии ещё во время первых проталин и объявившие всему миру, что к нам пришла весна, они в мае отступили перед железным лязгом стальных гусеничных и колёсных «коней», утюживших их родные гнездовые уголья. Многие к тому времени уже успели загнездиться в куртинах оставшейся от пала стерни. И вот теперь всё погибло. Вспаханная оголённая степь на время перестала быть уютным домом для истинных её хозяев – жаворонков. Она превратилась в поле, утратившее свои защитные качества, укромные бугорки и западинки с пучками гостеприимных трав или хотя бы стерни. Зато наступило временное иго чёрных орд грачей и ворон. Жаворонки отступили на обочины дорог, на травянистые полянки по краям и внутри колков или лесополос и замолчали...

Теперь в первой половине июня, когда изумрудные нежные всходы пшеницы стали подниматься уже на несколько сантиметров от земли и прикрывать её по-дочернему ласково и бережно, в степь снова вернулись жаворон-

ки. Своё второе возвращение на родину они немедленно отметили радостным гимном в честь неё из полной счастья груди. А жавороночки подруги снова занялись гнездовыми хлопотами теперь уже в такой пока ещё редкой, но милой и гостеприимной тени зелёных пшеничных стебельков.

Кажется, само небо обрадовалось волшебному изменению, происходящему на земле. Оно очистилось от серой поволоки, стало бездонно бирюзовым и с удовольствием любуется на изумрудную свежесть внизу, где ещё недавно изнывала под солнцем и сухим ветром раздетая донага земля.

К середине июня пшеница поднялась уже на 10-15 см и скрыла собой от хищных глаз пустельги и чёрных мародёров – ворон – приземлившегося на поле бравого певуна из синего поднебесья и его драгоценное гнёздышко.

ИЮНЬСКИЕ АРАБЕСКИ СТАРОГО САДА

Сегодня середина июня. В саду зацвёл красоднев замечательными жёлтыми и немного застенчивыми граммофончиками. Он несколько запоздал по сравнению со своими дикими сверстниками из окрестностей Айского озера в северном Алтае, откуда в прошлом году был бережно выкопан и привезён сюда на берега Оби под Барнаулом. Видимо, сказался стресс от перенесённых неожиданностей судьбы.

Там на высоком и крутом прикатунском склоне в хороводе своих бесчисленных сестёр он и не подозревал о существовании в мире ещё каких-то рек, а тем более ровных степей. Но ему повезло. Сад на склоне большого лога так дивно напоминает горную Родину и даже ту гриву, на которой он вырос и окреп, превратившись в великолепную лилию. К тому же здесь тоже есть интересные соседи и многие из них – земляки. Среди новых друзей есть молодой, совсем ещё маленький кедр с Айгулакского хребта из первобытно красивого Солонешенского района, дикий пион с добрым именем марьин корень с Коргонского хребта из сказочного Чарышского района, немного поодаль (разрастётся ведь ещё) – маленький дубок родом из питомника института садоводства на Барнаульской горе, огоньки из легендарной Горной Кольвани с таинственным названием купальница сибирская.

Каждый из них может многое рассказать о своей любимой Родине – том обворожительном уголке Алтая, который им ближе всего на свете.

Одновременно с красодневом распустился шикарный белый пион. Его огромный куст с десятками больших и тугих шариков – бутонов, наконец, доверчиво раскрыл навстречу миру сразу два из них, украсившись белоснежными душистыми коронами.

Это чудо произошло наутро после сильного ночного ливня с грозой, словно разбудившего спящую царевну.

Ночная буря пробудила к жизни и весь остальной сад до самого последнего сорняка. Ползучие змейки вьюнка, кажется, на глазах вытянулись, щедро закустились осьминогами по земле, жадно ища себе опору, среди удивлённых кустиков картошки, которые скромно собрали в пучочек свои ещё немногочисленные и тоненькие ножки, словно поджимая их от нахальных спрутов.

Между таких же осьминожьих щупалец вьюнков, невесть откуда взявшихся за одну ночь на грядках, на дорожках раскинулась густая россыпь красноногой щирицы, называемой огородниками и садоводами свёкольника-

ком. Коврики из дружных свёкольников напоминают специальный посев, сделанный щедрой рукой. Всего лишь через день после дождя то там, то здесь они срстаются в сплошные колонны завоевателей грядок гордой моркови и оскорблённой свёклы. Под предводительством отважного укропа морковные гошлиты стройными рядами македонской фаланги и тяжёлые всадники свёклы по её краям противостоят беспорядочному напору красноногой орды с сизовато сочными темниками лебеды.

Самодовольная своей неприкасаемостью крапива, потеснённая ещё весной при вскапывании грядок, но прочно удерживающая свои позиции с помощью союзника – забора, под его непосредственным прикрытием ещё больше распушилась, приосанилась и начала подумывать о колонизации ближайших угодий, занятых молодой неопытной малиной и наивным кустиком белой сирени. Сирень была посажена только в этом году, и поэтому она даже не подозревает о том, что на этом месте до неё была многолетняя куртина старушки крапивы в рост человека.

В саду всё дышало благотворной влагой минувшей грозы и упоением, распирающими зелёную грудь растений, жизненными силами.

Коноплянка – птичка июньская. Это совсем не значит, что её здесь не было раньше. Просто именно сейчас, в середине июня эта красавица словно расцвела, стала заметной и частой гостьей в саду, где усердно «пасётся» на земле, выискивая что-то самое вкусное. Нарядные кавалеры коноплянок не дают прохода своим дамам. Мешают спокойно пастись на садовых дорожках и в приствольных кругах, нигде от них нет отбоя. Они то и дело азартно гоняются взапуски за дамами, которые пытаются самыми головокружительными и изощрёнными манёврами и пируэтами в воздухе оторваться от их ухаживаний. При этом постоянно раздаётся милозвучное конопляночье щебетание. Только сумасшедшие коноплянки скрылись справа, едва не сбив панаму с головы незадачливого садовода, занятого прополкой, как новая гурьба малиновогрудых воздушных корсаров налетает слева, ничего не замечая в погоне друг за другом.

Чечевица – самый активный певец в июне. Ярко-красная, как багровая заря, птичка настойчиво спрашивает: «Че-че-ви-цу?». Порой в этом вопросе слышится: «Ви-и-тю ви-де-е-л?». С этого вопроса начинается каждое утро, потом он многократно повторяется днём, а порой и поздно вечером, когда уже стемнеет, затихший было певец, вдруг снова спохватится перед сном: «Ви-и-тю ви-и-де-е-л?».

Варакушка поёт активно, но сериями с перерывами между ними. Причём вписывает в свою песню новые вариации, творчески прислушиваясь к звукам июня.

Время от времени поёт и обыкновенная горихвостка.

Постоянным обитателем сада в июне стал черноголовый чекан. Здесь эта ярко наряженная кроха встречается по нескольку раз в день, порадовав иной раз своей немного ворчливой песенкой. Значит, и он включил эту «бесхозную» в его чеканьем понимании территорию в свои владения.

Вообще, не считая людей, владельцев у старого сада набирается не один десяток. Только перечень птиц, в чьи личные гнездовые участки он входит, составляет весьма солидный список. Это, конечно, **самец варакушки** со своей очаровательной подругой; парочка счастливых **чечевиц**, которые на самом деле никого не ищут, они уже давно нашли друг друга; скромная чета изящных **горихвосток**; маленький **черноголовый чекан** со своей чаще всего незаметной, но волевой избранницей; **садовая славка** – мастер чётких скороговорок – и его тихая и очень миловидная хозяйка вишнёво-крапивных зарослей в углу заброшенного соседнего сада. Кроме того, где-то посредине сада проходит незримая граница гнездовых территорий двух пар обыкновенных **овсянок**. Полностью сад принадлежит гнездовой паре **болотных сов**, которые охотятся здесь крайне редко из-за близости своего гнезда, а также **паре сорок** с только что «вышедшем в люди» многочисленным выводком. Для солиста ночных серенад – **соловья** из рощи на склоне большого лога – территория старого сада является периферией владений. Вот неполный перечень истинных собственников территории старого сада, о юридических правах которых и не подозревает ни один нотариус.

ДРУЖНАЯ ТРАПЕЗА

Погожим июльским утром в саду как-то очень дружно и даже, кажется, каким-то образом слаженно кормилась целая группа самых разных птичек. Они были не только разных видов, но и разного возраста. На земле в кустах, среди раскидистых помидор, между грядок, на дорожках обследовали каждую пядь земли полевые воробьи, черноголовые чеканы, садовые славки и варакушка.

Птенчики у птиц растут как сказочные богатыри не по дням, а по часам. Потом, поскорее слетев со своих гнёзд в большой мир, они ещё некоторое время взрослеют, набираются сил и ума. Взрослые птицы помогают им в этом. Поэтому почти постоянно вся семья держится вместе. Часто такие семьи объединяются с другими такими же. Так легче разыскивать корм и одновременно следить за возможной опасностью со стороны ближнего поднебесья, с земли, из-за кустов и прочих непредвиденных неожиданностей, а главное во время и правильно реагировать на них. Так взрослым легче сбереечь подрастающее поколение, а молодым птичкам набираться всестороннего опыта от старших. Это касается обучения и более эффективным способам добычи корма путём подражания, и расширению его разнообразия, и одновременному слежению за ситуацией в окружающем пространстве, и знакомству с различными новыми местообитаниями (исследование их), и ловким приёмам укрытия от неожиданной опасности.

Часто такие межсемейные объединения на кормовых кочёвках присоединяются к таким же объединениям других видов и целый день или часть дня проводят вместе. Множество зорких глаз и разных испытанных приёмов отслеживания ситуации целой группой опытных взрослых птиц, да ещё разных видов создают в целом очень надёжную систему безопасности на том кусочке пространства, где находится такая смешанная стайка. Птицы под таким «зонтиком» повышенного внимания, состоящим из объединённых усилий каждого, чувствуют себя увереннее. Снимается стресс от монотонного изнуряющего беспокойства за молодняк и постоянного сканирования окружающего пространства на предмет опасности. Птицы не ведут специальных поисков семей других видов, но и не избегают их при встрече, а наоборот, услышав коммуникативную переключку как своего, так и других видов, стремятся объединиться с ними. Так возникают временные многовидовые стайки.

Особенно важны такие объединения в местах незнакомых или с повышенной опасностью из-за своей открытости или присутствия какого-либо хищника, но очень привлекательных по своей кормности. Так птицы сообщаются могут осваивать такие местности, которые недоступны им в одиночку.

Вот и теперь более десятка полевых воробьев, 5-7 черноголовых чеканов, около десятка садовых славок, несколько садовых камышевок и варакушек мирно, как коровки на лугу, паслись между морковными, луковыми и свёкольными грядками, в куртинках, поднявшихся после дождя и быстро возмужавших сорняков, в «парковых» чисто выполотых помидорах. Особенно птиц привлекали плешины от недавно выполотых сорняков, голая земля на тропинках, стебли «высокоствольного» укропа как удобная присада для славок и чеканов, чтобы оглядеться вокруг. Славки часто углубляются в дебри моркови, проходя порой насквозь грядочные джунгли в поисках чего-то, наверное, особенно вкусного. Только по дёргающимся там да сям ажурным стеблям моркови можно определить путь отважной путешественницы в недрах морковной грядки. В одиночку птицы на такие подвиги никогда не решаются. У воробьёв нет такой ловкости и изящества фигурки, чтобы пускаться в густые заросли, и они сосредоточенно исследуют края тропинки и бровку грядки у самой границы с морковными джунглями, любопытно заглядывая в их тенистые манящие дебри. Варакушки тем временем «танцуют» меж парковых помидоров, а камышевки продолжают интересоваться укропом и свёкольной грядкой, на которой укроп стоит как часовой на посту.

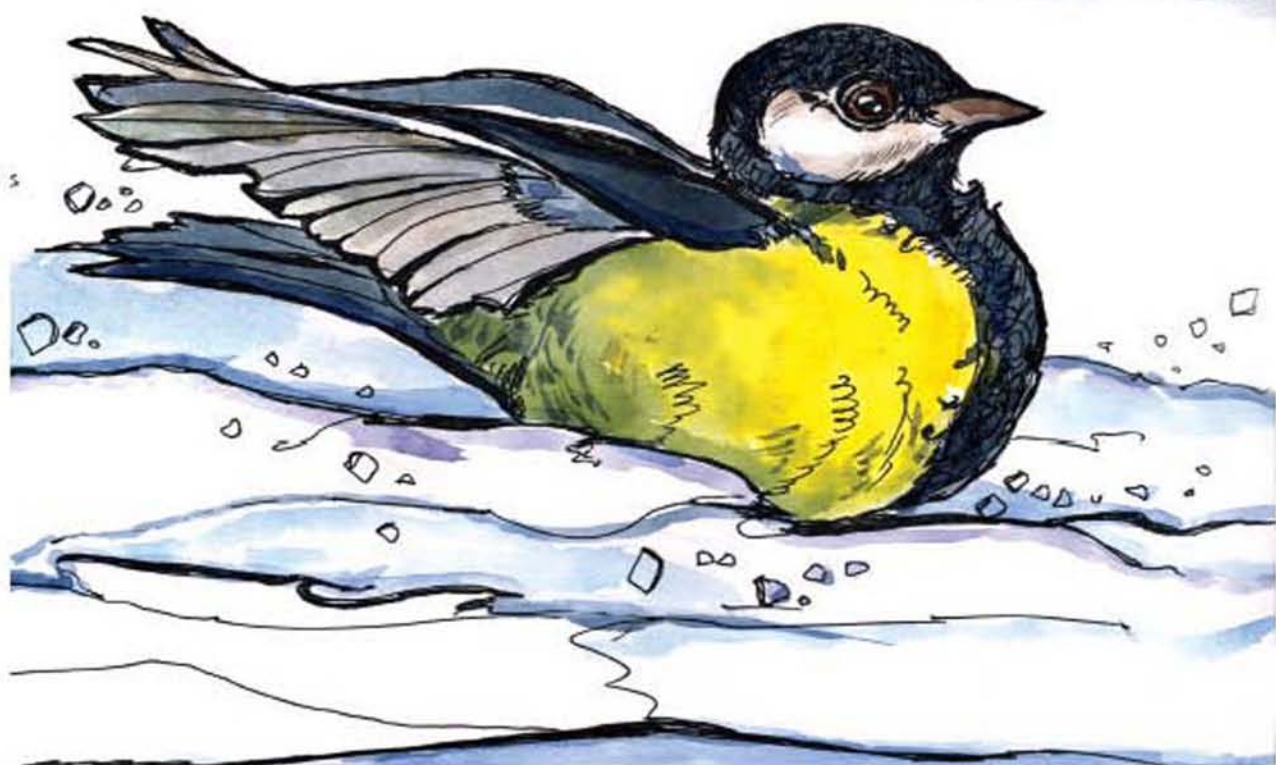

ПЕРНАТЫЕ МОРЖИ

Большая синица купается прямо в мокром снегу. Первый долгожданный, но ещё такой мокрый, наполовину с мелким дождиком, наивный снежок прикрыл город и сразу как будто освятил его. Погода пасмурная, но без ветра и не холодно. Нарядная зелёно-жёлтая синица с чёрной перевязью и ярко-белыми щеками как-то с размаху садится прямо в свежевывпавший водянистый снег толщиной сантиметра в три и, налегая на него грудью, как бы ложится в него. При этом, перебирая лапками, она с видимым удовольствием катится на брюшке, оставляя после себя маленькие бороздки в очаровательно белом рыхлом снегу. То расправляя, то складывая крылышки, синичка проделывает это необыкновенно изящно и ловко, разительно напоминая весёлое катание детей на санках, когда они, чтобы разогнаться побыстрее, бегут, согнувшись и упираясь в санки руками. Задорное купание птиц в свежем снегу при начале зимы настолько оптимистично и заразительно, что хочется немедленно самому окунуться в этот молодой и чистый снег.

Воробьи тоже не отстают от красавиц синиц, но они морзуют в лужах, предпочитая традиционное купание в воде снежному. Солидно, компанией в несколько штук они млеют посредине неглубокого водоёмчика в выбоине на асфальте с живописными снежными заберегами. То трепыхаясь, то задумчиво созерцая медленно падающие сверху снежинки, загадочно исчезающие в тёмных водах лужицы, серо-мокрые комочки как-то тихо по-философски перечирикиваются друг с другом, обмениваясь впечатлениями. При этом они действительно напоминают чем-то настоящих моржей или тюленей, отдыхающих на льдине. Чуть в сторонке гурьба нерешительных соратников, рассевшись на ветках ближайшего клёна, с интересом и завистью наблюдает за соплеменниками в луже. Оценивая ситуацию, то один, то другой «сорви-голова» смело слетает к луже, но, приблизившись ровно на столько, чтобы еле замочить лапки, вдруг охлаждается к этой затее и бочком, бочком, стараясь сохранить лицо, возвращается на клён. Видимо, моржевание даже у воробьёв не бывает поголовным.

ЧЕШУЙЧАТЫЙ ДОЖДЬ

9 апреля прошел ледоход, а кажется, уже так давно. За три дня перед этим событием, как и положено «классически» по сценарию весны, прилетели первые трясогузки. 14 апреля в обнаженных парках города, например, в «Юбилейном» слышались первые песни зябликов, а дрозды рябинники – на пике своего токования и гнездостроения, в то время как грачи, сороки и вороны уже давно в сокровенной стадии насиживания.

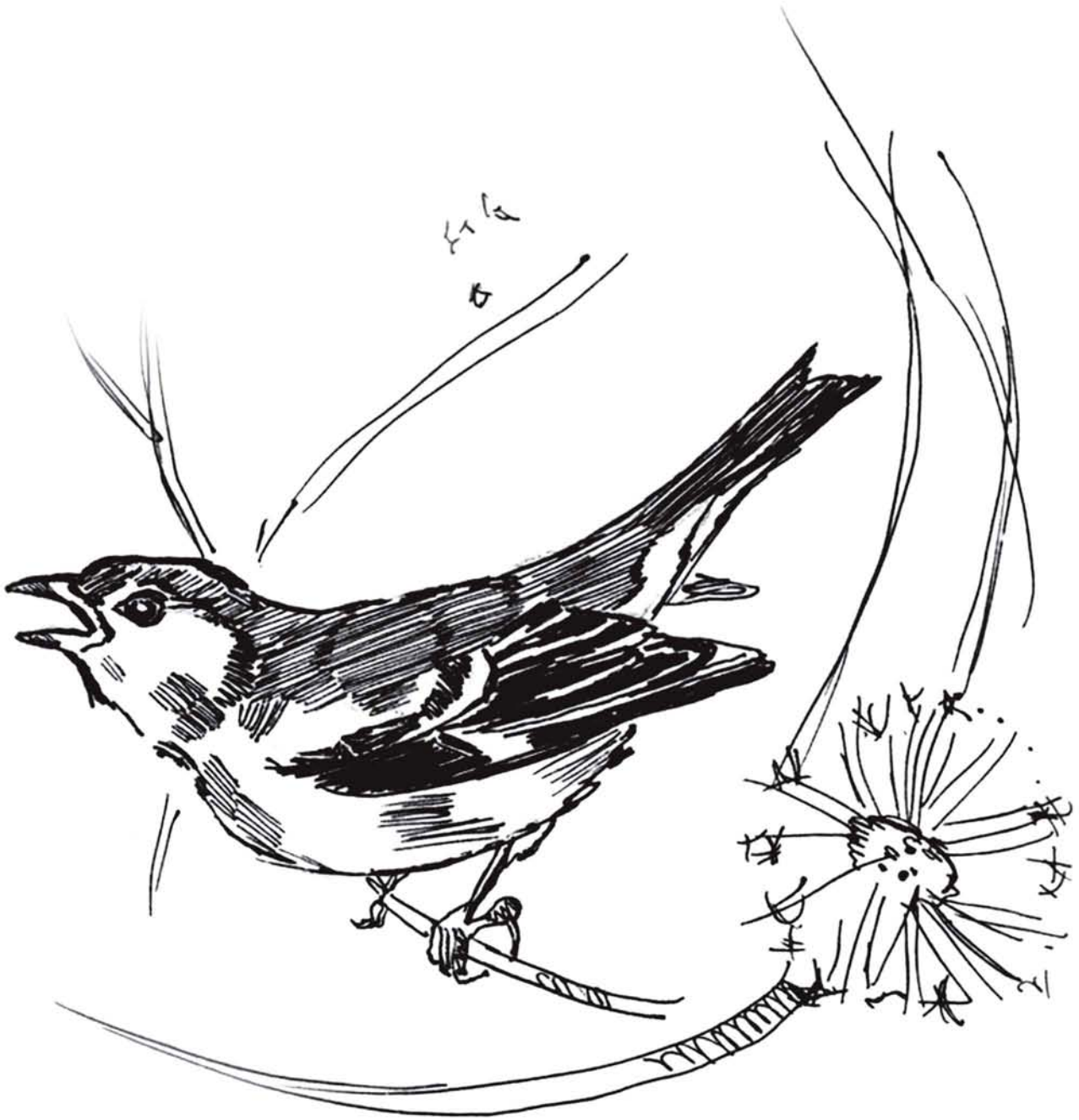
В истоках Пивоварки, в парке «Юбилейный», в сырых зарослях рогоза и камыша, помятых зимними снегами, прячется табунок крякв. С 14 по 22 апреля открыта весенняя охота, и они нашли себе относительно спокойное прибежище здесь, практически в центре города.

Вторая половина апреля. Буйное цветение кленов, тополей и берез до распускания листвы. Это удивительное время, мы окружены миллиардами цветов, порой и не замечая этого. К тому же уникальный период скромного неброского цветения наших деревьев очень краток: всего несколько дней. Изящные цветочки кленов, собранные в кисти, у тополей – толстые бордовые сережки мужских соцветий, у берез сережки стройные нежные – женские соцветия – все они дети ветра. Они цветут в непредсказуемую и такую изменчивую раннюю пору весны, до распускания листвы, чтобы без помех предаться таинству опыления в волнах воздушного океана. Ведь перенос легкой волшебной пыльцы у скромных цветов наших деревьев умеренного климата происходит с помощью ветра.

24 апреля. Утром на улице Анатолия в уютном деревянном одноэтажном центре старого Барнаула прозвучала первая в этом году песня горихвостки, а вечером этого же дня с огромного тополя, затерявшегося среди многоэтажек в районе Докучаево, свое прибытие на Родину громко провозгласила маленькая отважная пеночка-теньковка. Их голоса словно пробудили что-то в деревьях – давно ожидаемое и сокровенное.

Появилась пока еще легкая вуаль свежей долгожданной зелени на тополях. А накануне город буквально накрыл «дождь» из множества симпатичных заостренных буроватых чешуек. Это многочисленная рать тополиных почек, словно проснувшиеся от вековой спячки легендарные богатыри, которые повели своими могучими плечами и, сбросив ставшие тесными свои надежные зимние доспехи, вырвались навстречу небу и свету.

ИСКОРКИ ЖИЗНИ

Настоящая весна начинается с прилетом птиц. В городе они появляются немного раньше. Точнее, прилетев в родные края, они поначалу жмутся поближе к селам и городам. Здесь птиц привлекает более быстрое таяние снега, появление проталин и луж. И в этом году они не заставили себя долго ждать.

Скворцы в центре Барнаула стали попадаться с середины марта на редких теперь скворечниках, например, в уютном дворике у краеведческого музея. А вороны, грачи и сороки уже открыли гнездовой сезон, не взирая на суету транспорта, перипетии погоды и нимало не интересуясь прогнозами в отличие от избалованных неженков – людей.

Строительный бум уже позади. В птичьем клане врановых он проходил в начале марта. А еще в феврале самые нетерпеливые и чуткие кавалеры из вороньего и сорочьего племени предлагали своим избранницам веточки, палочки, прутики. Очевидно, самые лучшие в мире и от всего сердца. Они носились с ними в клювах как с букетами роз, всячески демонстрируя перед дамами сердца свои серьезные намерения.

В это время галантные кавалеры часто попадают в комичные ситуации на глазах всего города. Не надеясь исключительно на красноречивые жесты и реверансы перед дамой с веточкой в клюве, они еще пытаются что-то сказать сквозь эту веточку, наверное, самое сокровенное. Часто при этом веточка летит в одну сторону, а дама не раньше, не позже устремляется в другую. Озадаченный кавалер кидается из стороны в сторону, стремясь поскорее прихватить свой подарок и в то же время не упустить подругу. При этом в глазах и движениях птицы столько комичной растерянности, какой-то обескураженной суетности, совсем не присущей ей в другое время года, что на самом деле невольно вызывает улыбку.

А однажды на площадь перед дворцом спорта по Социалистическому проспекту из ближайшего сквера вылетел неотразимый сорочий кавалер, торопливо порхавший с огромной саблевидно изогнутой веткой тополя в клюве за спокойной и непринужденной сорочьей дамой. С большим трудом и напряжением он тянул все выше и выше, демонстрируя свой подарок, еле справляясь с таким тяжелым балансиrom. Налетевший порыв ветра закружил упоенного кавалера как большую снежинку так, что только замелькали в воздухе: хвост, ветка, хвост, ветка. И только у самого асфальта он выпустил из клюва свое драгоценное подношение и весь взъерошенный, но не побежденный устремился за своей избранницей.

И вот теперь город приделся в обновленные гнезда птиц, сразу как-то ожил, похорошев и помолодев еще раз на год вперед. И все это задолго до появления листвы и молодой травки – чудо!

У многих сорок, ворон и грачей обновленные гнезда, а многие и все новые «с иголочки» выглядят торжественно в голых кронах тополей и кленов, прошедших обряд коронавания птичьими гнездами. В парке «Юбилейный» оживился старый грачевник на высоких, как свечи, березах. Ему уже около 30 лет. В последние годы от него отпочковалась и расположилась неподалеку в кронах тополей еще одна группа гнезд. В старом грачевнике более 20 гнезд, а в новом – уже 15.

Старые гнезда, наоборот, заметно разрушились или вовсе исчезли. Это рачительные серобокие и белобокие строители надергали из них строительный материал для новых гнезд, переплетая его и свежими ветками.

По проспекту Космонавтов, где еще недавно в зимнюю вьюжную пору любили кочевать нежные свиристели и сварливые рябинники, теперь (в конце марта) – парад вороньих и сорочьих гнезд. Девять сорочьих и семь вороньих можно насчитать прямо из окна трамвая.

Здесь, в аллее напротив Гипермаркета, даже будучи проездом на трамвае можно подсмотреть сокровенные сценки из гнездовой жизни птиц. Как раз в 8 часов утра происходит трогательная смена на гнезде. Самец вороны, ночевавший где-то неподалеку, садится на веточки березы над самым гнездом. Самка, всю ночь согревавшая кладку, ловко «выныривает» из гнезда, казавшееся для непосвященного глаза до этого момента пустым, а самец без промедления, но очень осторожно «ныряет» в этот на первый взгляд такой маленький хрупкий ковчег из хвороста с едва зарождающейся внутри него жизнью. Холодно. Но насиживание идет полным ходом, несмотря ни на что. Все это прodelывается в безмолвии с каким-то неизъяснимым взаимопониманием и трогательной внимательностью. Ни одного лишнего движения у гнезда. И вот оно уже снова «одиоко» раскачивается на ветру.

В самом центре города на улице Анатолия неподалеку от бревенчатых теремов Дома писателя и Дома архитектора на огромном тополе, свободолюбиво раскидавшем свои ветви по небу, очень высоко, почти на самой макушке появилась «корона» сорочьего гнезда. Она придала тополю-великану какой-то законченный и даже красивый вид и еще немного таинственности.

Гнездо сороки – крепость – округлый бастион с крышей и боковым входом. В зависимости от архитектоники кроны оно бывает цилиндрическим или шаровидным. А вот и хозяйка, тихо, безмолвно, такой мышкой выскользнув из гнезда, перескакивает по веткам вплотную к стволу, спускается вниз, стараясь остаться незамеченной. Эту же процедуру минуту назад проделал ее партнер только в обратном направлении, чтобы сменить ее на гнезде. Наверное, это та самая пара сорок, которая недавно, недели две назад, так ин-

тимно шепталась друг с другом в подворотне соседнего дома. Выглядело это тем более необычно и смешно, так как заподозрить сороку в нежных проявлениях чувств при ее обычно резком скрипучем или громком дробном, как очередь из автомата, голосе очень трудно.

Интересно было в самом начале апреля увидеть в городе невесть откуда взявшихся свиристелей. Причем часто в неожиданных и многолюдных местах. Например, несколько десятков нарядных птиц, как всегда, обращая на себя внимание своей нежной переключкой, расположились в сквере перед политехническим университетом. Примерно половина всех птиц из большой стаи кормилась под дикими яблонями, где остатки оледенелого снега были обильно усыпаны маленькими яблочками-дичками. Свиристели жадно употребляли эти зимние просыпы, вытаявшие под лучами весеннего солнца как последний подарок зимы. При этом кормящиеся птицы то и дело взмывали вверх и сменяли на посту своих сородичей, наблюдавших с вершин деревьев за оживленными окрестностями в самом суетном студенческом центре города.

Эта сутолока множества доверчивых с красивым оперением хохлатых птиц как-то неожиданно и даже властно вписывалась в городской ритм, одухотворяя его и вселяя восторженный интерес и радость в прохожих. В своих зимних кочевьях свиристели, как правило, не бывают малочисленными. Вот и теперь свиристелевая волна летящих через нас в свои родные северные леса птиц заполнила город, и всего несколько дней этих очаровательных гостей можно было встретить в самых разных его уголках. Особенно необычно, когда стайки свиристелей оказываются поблизости от уже населяемых сорочьих, вороньих или грачиных гнезд. Так зима лицом к лицу встречается с летом.

Гнездо – это всегда тайна, даже если оно совершенно открыто, как флаг, раскачивается на ветру, окруженное щетиной тополиных прутьев на самой вершине. Только этот флаг живой с маленькими теплыми искорками жизни внутри среди безбрежного жестокого воздушного океана с его коварными климатическими капризами.

Пусть возражают синоптики, но весну и тепло в город приносят на своих крыльях птицы, ухаживания друг за другом ворон и сорок, звонкое пенье синиц, их непоколебимая самоотверженная отдача навстречу небу и солнцу.

Сквозь пелену колючей утренней пороши на холодном мартовском ветру то там, то здесь виднеются в озябших кронах деревьев маленькие маяки – очаги зарождающейся новой жизни – гнезда. Такие беззащитные, они согреваются и живут теплом и терпением птиц.

ДРУЗЬЯ

Жил Олежка с дедушкой в деревне с вкусным названием Ягодное, притулившейся к небольшой речке Черемшанке, которая получила свое имя от такой желанной по весне сочной и чем-то похожей на лук-порей черемши. А еще места эти издавна славились изобилием грибов. В конце лета они, бывало, росли даже у крыльца дедушкиного дома. Ну, не край, а просто объеденье. Ничего лучше этих мест Олежка себе и представить не мог вместе со своим добрым другом Марсиком, который для всех остальных был страшным Марсом.

Марс – это собака черной масти с белой грудью, внимательными глазами с искорками, разными ушами и преданным сердцем. Он всегда разделял мнение своего маленького молчаливого хозяина без лишних слов и уговоров. Обиду, нанесенную другу страшной присказкой: «Олежка-тележка», которой, бывало, приветствовали его маленького хозяина мальчишки, весело бежавшие из школы по весенним ручьям вдоль улицы, он воспринимал как личное оскорбление.

Особенно ему нравилось, когда Олежка отпускал его с привязи, долго копаясь при этом с тугим ошейником. С этим ошейником у смышленной собаки были свои счеты. Они как бы соперничали друг с другом в ловкости. Каждый раз, когда сильные руки деда затягивали на лохматой шее это ненавистное кожаное ярмо, Марс весь как-то напрягался, порой, начиная задыхаться. Тогда дед, будучи уже не раз обманутым этой уловкой, все же с жалостью отпускал ошейник на одну дырочку, чтобы вскоре обнаружить свободного и счастливого пса, ловко снявшегося из застегнутого ошейника. По этой причине весь ошейник был исколот шилом в поисках «золотой середины», чтобы Марсик не задохнулся и в то же время не смог выскользнуть из него.

Олежка много раз наблюдал, как он это проделывал. От друзей секретов не бывает. Пятясь задом, он натягивал цепь, при этом, вытягивая в струнку свою голову и шею, а затем вращая головой в разные стороны. Один миг – и густая эластичная шерсть вместе с незаурядной ловкостью и, можно сказать, спортивным азартом делали свое дело. К восторгу обоих друзей Марс снова был на свободе. Порой при неудачных попытках Марса освободиться или слишком затянувшейся неволе, Олежка тайком помогал своему другу, не забывая при этом застегнуть пустой ошейник обратно. И долго потом дедушка недоумевал, как этот «чертеночек» смог опять сняться, и брался снова за шило в поисках «золотой середины». Незатейливой хитрости закадычным друзьям было не занимать. Они учились друг у друга. Но иногда они устраивали нешуточный переполох совершенно случайно.

Однажды играя во дворе, Олежка как-то незаметно заполз в будку к собаке. В гостях ему показалось так уютно, а первый морозящий весенний дождик так завораживающе шуршал по крыше будки, что он не заметил, как по-детски крепко уснул. Марс, все время не спускавший глаз с мальчика даже тогда, когда, казалось, и не смотрел в его сторону, чему-то улыбаясь своей широкой пастью, не замедлил лечь у входа. Дождик вскоре кончился, прошло какое-то время, и Олежкухватила бабушка, немедленно подключив к поискам деда. Они обшаривали все закоулки дома, сеней, сараев и огорода, где Олежка, бывало, пропадал в зарослях любимой бабушкиной сирени, а однажды заблудился в страшных джунглях малины. Не забыли даже заглянуть под перевернутую кверху дном детскую ванну, где, уже был случай, Олежка также терялся только много лет назад.

Марс, как замороженный интересным кино зритель, наблюдал весь этот переполох со стороны. Его сияющие глаза и широкая улыбка излучали неподдельный интерес и истинную, но затаенную радость, граничащую с восторгом. Он даже зевал от удовольствия. Поиски уже грозили перекинуться на соседние огороды и стать глобальными, когда деду, случайно бросившему взгляд на Марса, пришла счастливая идея подключить и его к поискам. Тут и обнаружилась мирно спящая пропaja. Оба виновника переполоха были примерно наказаны. Один дома долго стоял в самом страшном углу, а другой долго сидел в своей будке с виноватым видом.

Олежку как магнитом тянула темная зубчатая ленточка на горизонте за огородом. Это был лес, который взрослые называли таинственным словом бор. Там росли высокие и толстые сосны, и Олежка мечтал найти такую большую сосну, которая упиралась бы своей вершиной в небо, доставая до облаков, а толщиной была такая, чтобы ее невозможно было обхватить руками. Он всегда мерил толщину у всех деревьев своими «богатырскими» обхватами.

Вот для этого дерзкого похода он и отвязывал сегодня так старательно Марса. Точнее, по их версии, Марс в очередной раз «снимался с привязи». Предчувствуя приключения, он нетерпеливо поскуливал, еле сдерживаясь, чтобы раньше времени не плясать вокруг своего друга. Наконец, вот она свобода. Успев несколько раз перепрыгнуть через Олежку, пока он еще возился с пустым ошейником, Марс ринулся в дальний край огорода. Маршрут был известен. Вскоре они перемахнули через ограду и двинулись навстречу опасности и славе.

Мир встретил их ошеломительным светом весны и счастья. Кругом на лугах и в колках было столько замечательных луж с чистой прозрачно-завораживающей водой, что для их измерения понадобились бы годы. Жаль только, размер сапог часто был недостаточно велик, чтобы измерить всю глубину очередного разлива, а Марс, которого никакие сапоги не стесня-

ли, почему-то не любил проводить измерения глубин. Он старался обходить встречные лужи, не взирая на все уговоры хозяина и даже прямые попытки затащить его поглубже. Такое насилие вызывало в нем игривый протест, при этом друзья, визжа от восторга, азартно гонялись друг за другом со смехом, не замечая, что обоих уже можно выжимать. Мокрые и запыхавшиеся они брели все дальше и дальше, не ощущая ног. Время от времени они вспугивали птиц, которые не очень-то их боялись. Настолько единым и понятным было настроение природы, собаки и человечка, что это ощущалось всеми живыми существами, делая едиными по духу самые разные сердца.

Вдруг откуда-то с неба раздалось нежное-нежное блеяние маленького барашка. Что за чудо – барашек в небе. Даже Марс задрал голову кверху и нюхал воздух, словно желая уловить запах самого солнца. Может быть, это барашек Маленького принца прилетел со своей планеты, а с ним и его хозяин, подумал Олежка, припоминая прочитанное ему вслух когда-то очень давно, видимо, в детстве. В это время снова раздалось блеяние над самой головой, совсем близко. Мальчик увидел стремительно пикировавший вертикально вниз отчаянный комочек с почти сложенными крыльями. Это был бекас. Затем крылья развернулись, блеяние сразу прекратилось, и смелая птица в красивом вертикальном вираже снова устремилась в небо, чтобы повторить все сначала. Пока птица набирала высоту, мелькнул ее длинный прямой клюв и красивое пестрое оперение. Когда бекас снова вошел в пике, в очередной раз нежно заблеял барашек, это от высокой скорости, устремившейся к земле птицы, начали вибрировать перышки ее хвоста, но не все, а только расположенные по его краям. Оказывается, они специально так устроены, чтобы помочь молчаливому и обделенному вокальными данными бекасу выразить переполняющую его отважное сердце радость весны и встречи с Родиной, где он родился и вырос и куда вновь возвращается из дальних теплых стран. Впервые Олежка душою уловил какое-то единство радости, разлитой в пространстве, понятной лужам и ручейкам, солнцу и обнюхивающему его отражение в воде Марсу, голубому небу и бекасу в этом небе, всем птицам и зверям, березам и соснам и даже всем людям.

СОДЕРЖАНИЕ

Сова и ящерицы	3
Ящерицы на водопое	6
Варакушка.....	8
Большая синица.....	11
Дуэль чечевиц.....	13
Мирные жители сада	15
Внимательность к братьям меньшим.....	18
Слётки	20
Токование варакушки.....	26
Возвращение садовой славки, или жимолость обетованная	28
Ласка.....	30
Овсянка на водах.....	32
Закат в степи.....	34
Скворцы на обеде.....	35
Майские арабески старого сада	36
Второе возвращение жаворонков.....	40
Июньские арабески старого сада.....	43
Дружная трапеза	46
Пернатые моржи	48
Чешуйчатый дождь.....	50
Искорки жизни.....	52
Друзья.....	55

Дизайн и верстка Е.В. Агафонова

Подписано в печать 24.06.2008.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Заказ 535. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru

The background is a light green color with a faint, repeating pattern of a yellow bird and a glass jar hanging from a vine. The bird is shown in profile, facing left, with a yellow body and a breast covered in dark spots. The jar is a simple, rounded glass container with a handle, hanging from a vine that also has several leaves and buds. The text is overlaid on this background.

О.Я. Гармс

Сказки старого сага